

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00309934 8

Zhabotinskii, Vladimir Evgen'evich
Bund i sionizm

DS
135
R9Z5
1906a

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

<http://www.archive.org/details/bundisionizm00jabo>

Zhabotinskii, Vladimir Evgenievich

Вл. ЖАБОТИНСКІЙ

Bund i sionizm

**БУНДЪ
И СІОНИЗМЪ**

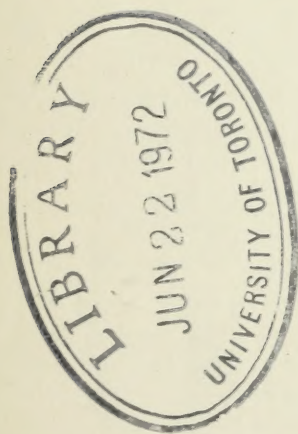
№ 22.

ЦѢНА 12 КОП.

КНИГО-
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«КАДІСЬ»
* ОДЕССА *

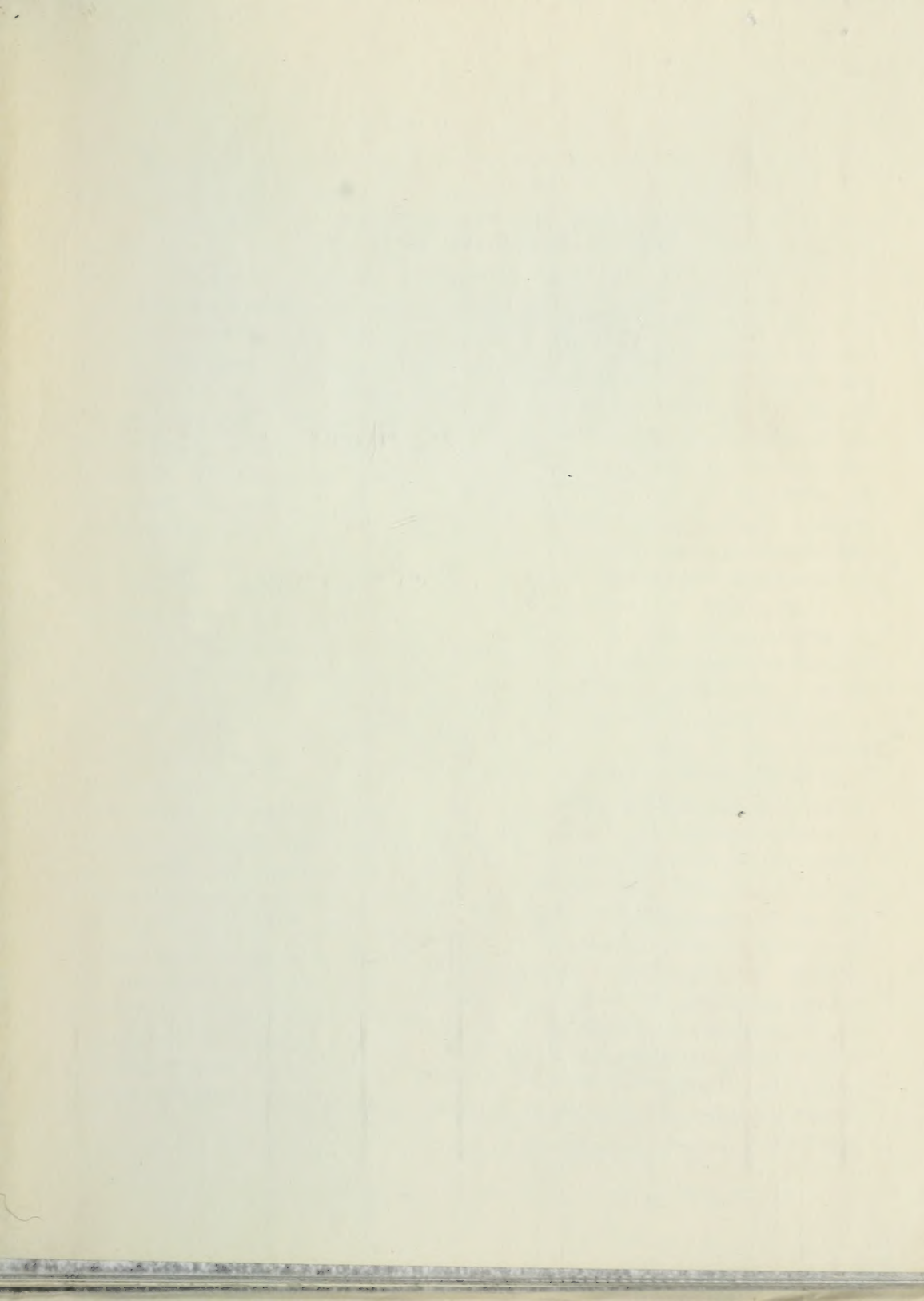

DS

135

R9Z5

1906 a

БУНДЪ И СІОНИЗМЪ.

Въ бундовской литературѣ отъ времени до времени проглядываетъ мнѣніе, что сіонизмъ и Бундъ рождены изъ одного и того же источника. Такъ, напримѣръ, въ официальномъ отчетѣ о IV съѣздѣ Бунда вмѣстѣ такое мѣсто: «тѣ условія, которыя въ Россіи вызвали къ жизни сіонизмъ, создали различныя національныя социалистическія партіи, должны были рано или поздно поставить на очередь и въ Бундѣ еврейскій національный вопросъ» *). Поставить же въ Бундѣ національный вопросъ—это и значило сдѣлать Бундъ Бундомъ, ибо только своеобразная позиція въ національномъ вопросѣ придаетъ Бунду его специфическую физиономію.

Къ этому бундовскому мнѣнію можно присоединиться только съ большими поправками. Конечно, между Бундомъ и сіонизмомъ есть несомнѣнная общность происхожденія; но врядъ-ли, на мой взглядъ, правильно сказать, что оба эти движенія вытекли изъ одного источника, словно бы это были два равныхъ и самостоятельныхъ русла. Я думаю, что родство между Бундомъ и сіонизмомъ надо формулировать иначе, и ставлю цѣлью моего очерка именно установить эту формулировку.

Здѣсь, поэтому, будетъ идти рѣчь о Бундѣ только въ его *національной* роли. Что касается до Бунда какъ организаціи социалистической или революціонной, то эти стороны его дѣятельности мы можемъ оцѣнивать такъ или этакъ, высоко или низко, но не о нихъ у насъ сегодня рѣчь. Своеобразие Бунда,—то, что выдѣляетъ его изъ общихъ рядовъ социаль-демократическаго лагеря,—это его національная позиція въ вопросахъ организаціи и программы. Я оставляю за собою право въ другомъ очеркѣ заняться разборомъ этой позиціи *по существу*; здѣсь я займусь только ея *исторіей*. Откуда она взялась? Какъ и почему эволюционировала? Каковъ ея историческій смыслъ и чѣмъ суждено завершиться ея развитію?

*) Стр. 12.

I.

Мы начнемъ съ начала и прослѣдимъ зарожденіе того, что теперь называется Бундомъ.

За послѣднее время, когда въ чылу революціи вообще было сказано и сдѣлано много неумныхъ вещей, большое распространеніе въ обществѣ получилъ парадоксъ, будто во главѣ идейнаго развитія человѣчества шествуетъ не кто иной, какъ пролетаріатъ. Теперь, когда всѣ уже нѣсколько пришли въ себя, полезнымъ будетъ напомнить, что въ этомъ парадоксѣ нѣтъ ничего, кромѣ грубой лести. Пролетаріатъ объективно является носителемъ будущаго социальнаго переворота; просвѣщеніе и организація, укрѣпляя его самосознаніе, дѣлають изъ него постепенно и субъективнаго борца за новыя производственныя формы. Но пролетаріатъ никогда не шелъ, не могъ идти и еще долго не пойдетъ во главѣ идейнаго развитія человѣческаго общества. Не только для того, чтобы творить новыя идеи, но даже для того, чтобы воспринимать ихъ, нужна известная степень культурности, которой у рабочаго люда не имѣется, потому что онъ занятъ физическимъ трудомъ и не можетъ посвящать много времени своему образованію; а культурность достигается только путемъ образованія и съ неба не падаетъ. Нашъ строй тѣмъ и плохъ, что въ немъ трудящійся обыкновенно осужденъ на невѣжество. Поэтому во главѣ идейнаго развитія идутъ болѣе состоятельные классы; пролетаріатъ идетъ позади, а пролетаріатъ отсталыхъ странъ даже въ самомъ хвостѣ. Это справедливо даже тогда, когда рѣчь идетъ о его собственныхъ классовыхъ интересахъ. Полнымъ выраженіемъ этихъ интересовъ является социализмъ; однако тѣ, кто знакомъ съ исторіей социалистическихъ ученій, должны знать, что первыми пионерами этой идеи были не только интеллигенты, но даже разные „сельскіе хозяева, фабриканты, рантье средней руки, мировые судьи, инженеры, офицеры“, *) и послѣднимъ примкнулъ къ социализму пролетаріатъ. Въ этомъ для пролетаріата нѣтъ ничего зазорнаго—это, наоборотъ, вполне естественно для угнетеннаго и темнаго класса; но теперь царитъ такая путаница понятій, что самыя простыя вещи приходится повторять и доказывать.

Та же послѣдовательность наблюдается и въ идейномъ развитіи россійскаго еврейства. Во главѣ этого развитія шли, конечно, не

*) Кудринъ, „Великій утопистъ“. «Русск. Бог.» 1905, 1—12.

еврейскіе рабочіе, а болѣе состоятельныя слои, главнымъ образомъ интеллигенція и средняя буржуазія—то, что принято называть „обществомъ“. Изъ простыхъ справокъ изъ недавняго прошлаго ясно доказываютъ, что идейное развитіе еврейской рабочей массы, начавшееся гораздо позже, явилось не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ и повтореніемъ (конечно въ измѣненномъ обликѣ) идейной эволюціи еврейскаго „общества“.

Пробужденіе этого «общества», т. е. приобщеніе его къ европейской культурѣ, началось еще въ 40-выхъ годахъ XIX вѣка и приняло широкіе размѣры въ 60-тыхъ. Эта эпоха называется эпохой „гасколы“. Такъ какъ европейскую культуру пришлось черпать изъ чужихъ источниковъ—сначала нѣмецкихъ, потомъ русскихъ,—то къ срединѣ 70-тыхъ годовъ „гаскола“ начала понемногу вырождаться въ ассимиляцію; въ то же время среди другихъ элементовъ, ближе стоявшихъ къ народу, назрѣвалъ протестъ противъ ассимиляторскаго теченія. Погромы начала 80-тыхъ годовъ вызвали этотъ протестъ наружу, и съ той минуты дальнѣйшее идейное развитіе еврейскаго „общества“ направилось уже только по національному руслу. Ассимиляція не прекратилась — напротивъ, количественно возросла, но ея представители уходили отъ своего народа, отдавали всѣ свои силы чужому лагерю и такимъ образомъ не участвовали во внутренней эволюціи еврейства и въ смѣнѣ его настроеній. Эволюція же эта, начиная съ 81-го года, совершалась и совершается исключительно въ плоскости національнаго самоопредѣленія, и смѣна теченій внутри еврейскаго „общества“ за этотъ періодъ выражается въ характерныхъ этапахъ палестинскаго движенія, билуиства, ахадъ-гаамизма, духовнаго націонализма и сіонизма герцлевскаго типа.

Эволюція еврейскаго рабочаго движенія явилась въ общихъ чертахъ повтореніемъ эволюціи «общества». И здѣсь пробужденіе — начавшееся около 1885 года—принимаетъ на первыхъ порахъ ассимиляціонныя формы, какъ это констатируетъ, между прочимъ, опубликованный Бундомъ заграницей обширный докладъ подъ заглавіемъ „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ“, а также извѣстная легальная брошюра Акимова-Махновца. Даже пропаганда велась сначала на русскомъ языкѣ. Но уже къ концу 80-тыхъ годовъ замѣчаются первые признаки поворота въ сторону націонализаціи движенія. Между 88 и 93 наблюдается постепенный переходъ къ жаргону; въ 1894 году выходитъ брошюра „Объ агитаціи“, которая окончательно санкціонируетъ и закрѣпляетъ этотъ

переходъ. Наконецъ, 2-го мая 1895 года въ собраніи агитаторовъ въ Вильнѣ была произнесена рѣчь, которая впоследствии была издана подъ заглавіемъ „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“. Хотя официальное учрежденіе Бунда состоялось только въ 1897 году, но по всей справедливости настоящій день рожденія этой партіи есть 2-е мая 1895 года, и рѣчь о „Поворотномъ пунктѣ“ представляетъ изъ себя истиннѣе учредительную грамоту Бунда. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ исторіи послѣдняго рѣчь о „Поворотномъ пунктѣ“ сыграла ту же роль, что «Judenstaat» Герцля въ исторіи сионизма. И притомъ еще съ одной существенной разницей: брошюра Герцля въ значительной мѣрѣ потеряла теперь свое значеніе и врядъ-ли можетъ послужить для уясненія сионизма въ его нынѣшней стадіи; между тѣмъ «Поворотный пунктъ» въ своей сжатой формѣ дѣйствительно заключаетъ всѣ основныя элементы бундовской идеологіи—все то, во имя чего Бундъ возникъ, какъ національная партія, и чѣмъ онъ живетъ и дышитъ. Именно оттого дѣятели Бунда не любятъ вспоминать объ этой брошюрѣ, а когда заговариваютъ о ней, то съ длинными оправдательными комментаріями. И именно оттого я подробно останавливаюсь на анализѣ этой брошюры. Онъ уяснитъ намъ, что за внутренніе мотивы и какія вѣдншія вліянія вызвали постепенную націонализацию еврейскаго рабочаго движенія и—какъ одинъ изъ характернѣйшихъ этаповъ этого процесса націонализациі — породилъ Бундъ.

Основная мысль „Поворотнаго пункта“—критическая и вмѣстѣ съ тѣмъ положительная—изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Нашей буржуазной интеллигенціи и въ голову не приходитъ, что еврей только отъ собственной дѣятельности можетъ ожидать улучшенія своего положенія. Еврейская буржуазія даже не поддерживаетъ энергично русскаго либеральнаго движенія. Много причинъ породили такой характеръ нашей буржуазіи — всѣ эти причины дѣлаютъ ее вполне бесполезной для еврейскаго рабочаго класса; болѣе того, взгляды этой буржуазной интеллигенціи сыграли прямо вредную роль въ нашемъ движеніи, которое въ первое время испытывало на себѣ вліяніе этой національной пассивности. Въ самомъ дѣлѣ, еврейская буржуазная интеллигенція ждетъ всего отъ русскаго царя и ничего отъ самостоятельности еврейскаго народа; въ первые годы нашего движенія мы всего ожидали отъ движенія русскаго рабочаго класса и на самихъ себя смотрѣли только какъ на придатокъ къ обще-русскому рабочему движенію (стр. 17).

Вотъ почему мы должны рѣшительно признать, что наша цѣль, цѣль дѣйствующихъ въ еврейской средѣ социаль-демократовъ, состоитъ въ томъ, чтобы создать специально-еврейскую рабочую организацію, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейскаго пролетаріата въ борьбѣ за экономическое, гражданское и политическое освобождение (стр. 19)

...Да, социализмъ международенъ, и тогда историческій процессъ, который создаетъ классовую борьбу въ современныхъ обществахъ, ведетъ неизбежно къ уничтоженію національных границъ и сліянію отдѣльныхъ народовъ воедино. Но вы согласитесь, конечно, что до тѣхъ поръ, пока существуютъ современные общества, настоятельной задачей является завоеваніе каждой націей, если не политической самостоятельности, то во всякомъ случаѣ полной равноправности... Въ самомъ дѣлѣ, рабочей классъ, который мирится съ долей низшаго племени, такой рабочей классъ не возстанетъ и противъ доли низшаго класса. Поэтому національная пассивность еврейской массы является препятствіемъ и для возбужденія классоваго самосознанія; пробужденіе національнаго и классоваго самосознанія должно идти рука объ руку (стр. 20).

Такимъ образомъ, какъ третій результатъ нашего движенія, какъ третью теоретическую побѣду надъ вліяніемъ буржуазныхъ идей, мы должны поставить болѣе національный характеръ нашего движенія (стр. 21).

Такова основная мысль. Оригинальна ли она? Авторъ не пишетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Онъ не допускаетъ и мысли о малѣйшемъ вліяніемъ вліяніи на ходъ его идей. Онъ глубоко вѣрить, что его устами провозглашено нѣкое новое слово, подобнаго которому еще не раздавалась ни въ одномъ словѣ еврейскаго народа. А „слово“ это заключается въ призывѣ къ національной самостоятельности, къ освобожденію собственными національными силами. То-есть, выражаясь короче—Autoemancipation.

Еврейскому читателю это слово должно быть хорошо извѣстно: „Autoemancipation“ есть заглавіе брошюры доктора Пинскера, вышедшей въ 1882 году. И также должно быть извѣстно читателю, что эта брошюра оказала огромное вліяніе на современниковъ и положила начало палестинскому движенію. И если вы теперь на досугѣ перечитаете эту брошюру, то вы обнаружите, что всѣ мысли, провозглашенные въ „Поворотномъ пунктѣ“, были въ классической формѣ за 13 лѣтъ до того провозглашены родоначальникомъ первой стадіи сионизма. Имъ исчерпывающе осуждена и клеймлена политика національной пассивности, вѣра въ спасеніе изъ чужихъ рукъ; имъ ярко и дѣйствительно—впервые брошенъ при-

звѣтъ къ національному самоосвобожденію. Противъ того, что брошюра Пяньскера неизмѣримо выше «Поворотнаго пункта» по силѣ и вдохновенію, не станеть, конечно, спорить ни одинъ человекъ, обладающій литературнымъ вкусомъ; по существу же разница только та, что предвозвѣстникъ Бунда скромно говоритъ о завоеваніи „если не политической самостоятельности, *) то во всякомъ случаѣ полной равноправности“, между тѣмъ какъ предвозвѣстникъ сіонизма требуетъ активнаго творчества именно ради цѣльнаго идеала политической самостоятельности. „Поворотный пунктъ“ есть учредительный манифестъ Бунда, но „Поворотный пунктъ“ есть блѣдный, на три пятнадцатія запоздалый и на девять десятыхъ урѣзанный въ размахѣ пересказъ первой деклараціи сіонизма.

Намъ совершенно незачѣмъ интересоваться вопросомъ, знали ли не знали авторъ „Поворотнаго пункта“ про то, что онъ повторяетъ Пяньскера безъ указанія источника. Даже весьма вѣроятно, что у него это вышло совершенно безсознательно. Одна изъ особенностей исторической эволюціи человѣчества есть вообще та, что при распространеніи известной идеи ея носители и глашатаи зачастую не сознають ея преемственной связи съ лозунгами предшественниковъ—и это забвеніе родства даже усиливаетъ ихъ энтузіазмъ; но въ томъ и заключается задача изслѣдователя, чтобы независимо отъ субъективнаго мнѣнія самихъ борцовъ установить эту преемственность на основаніи объективныхъ данныхъ. И вѣрнѣйшимъ путемъ считается сличеніе литературныхъ памятниковъ. Это сличеніе приводитъ насъ въ данномъ случаѣ къ неоспоримому выводу, что Бундъ зародился тогда, когда въ сферу рабочаго движенія проникли основныя лозунги сіонизма. Читатель долженъ запомнить этотъ выводъ: онъ уже нѣсколько приближаетъ насъ къ рѣшенію нашей задачи — къ установленію объективной сущности и исторической роли Бунда.

Но не эти слѣды вѣншихъ вліяній представляютъ самую характерную особенность „Поворотнаго пункта“: еще большаго вниманія заслуживаютъ выразившіеся въ немъ *внутренніе мотивы* націонализаціи еврейскаго рабочаго движенія. Эта сторона бундовскаго „манифеста“ до сихъ поръ какъ-то упускалась изъ виду, —

*) Любопытно, что въ легальномъ изданіи „Матеріалы по исторіи евр. раб. движенія“ въ цитатѣ изъ „Поворотнаго пункта“ (стр. 49) подчеркнутыя слова выпущены!

между тѣмъ она-то и даетъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для выясненія не только источниковъ Бунда, но въ извѣстной мѣрѣ и его грядущихъ судебъ. Недостаточное вниманіе критиковъ Бунда къ этой сторонѣ „Поворотнаго пункта“ тѣмъ болѣе несправедливо, что внутренніе мотивы „поворота“ изложены тамъ въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, исключających всякое сомнѣніе. Вотъ они:

... Мы притомъ должны помнить, что нашъ демократическій лозунгъ: „все посредствомъ народа“ не позволяетъ намъ ожидать освобожденія еврейскаго пролетаріата отъ экономическаго, политическаго и гражданскаго порабожденія ни отъ русскаго, ни отъ польскаго движенія (стр. 18).

Мы хорошо понимаемъ, что безъ успѣха русскихъ и польскихъ рабочихъ мы многого не добьемся, но съ другой стороны мы уже не можемъ по-прежнему ожидать всего отъ русскаго пролетаріата, какъ наша буржуазія ожидаетъ всего отъ русскаго и чиновничьяго либерализма. Мы должны имѣть въ виду, что русскій рабочій классъ въ своемъ развитіи будетъ встрѣчать такого рода препятствія, что каждое ничтожное завоеваніе ему будетъ стоить страшныхъ усилій, а потому ему лишь постепенно и упорной борьбой удастся добиться уступокъ политическихъ и экономическихъ; а въ такомъ случаѣ очевидно, что, когда русскому пролетаріату придется жертвовать нѣкоторыми изъ своихъ требованій для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, онъ скорѣе пожертвуетъ такими требованіями, которыя касаются исключительно евреевъ, напримѣръ—свободы религіи или равноправія евреевъ. То же самое съ русскимъ либеральнымъ движеніемъ, которое тоже будетъ склонно жертвовать интересами евреевъ для того, чтобы достигнуть чего-нибудь (стр. 19).

Въ упомянутой уже брошюрѣ „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ“ къ этимъ цитатамъ приклеены цѣлыхъ три страницы (63—65) извиненій, оговорокъ и оправданій, но именно это запоздалое стараніе смягчить и замазать лучшее всего доказываетъ, что въ откровенныхъ заявленіяхъ предвозвѣстника Бунда дѣйствительно прорвалась горькая, компрометирующе-голая истина. Никакими замѣтаніями слѣдовъ невозможно затушевать прямой смыслъ приведенной цитаты, а смыслъ этотъ означаетъ: русскіе и польскіе рабочіе насъ предадутъ, когда имъ это будетъ выгодно. Съ той поры, какъ это было сказано, прошло больше десяти лѣтъ, и за это время бундовскіе агитаторы множество разъ громили сіонистовъ за то, что они, видите-ли, хотятъ посягать на доверіе между еврейскимъ и нееврейскимъ пролетаріатомъ. Но

это обвиненіе было мимо цѣли, какъ были и бьютъ мимо цѣли все бундовскія атаки противъ сіонизма. Сіонисты добивались только того, чтобы еврейскій пролетаріатъ сдѣлалъ естественный логическій выводъ изъ своего недовѣрія къ инородцамъ. Что же до самого недовѣрія, то намъ незачѣмъ было его стѣять—оно было посеяно раньше, и плодъ, который выросъ изъ этого посева, носитъ имя Бунда. Ибо сколько бы вы потомъ ни подкрашивали рѣзкости „Поворотнаго пункта“, все-таки эта рѣчь остается литературнымъ памятникомъ того настроенія, которое привело руководителей еврейскаго рабочаго движенія къ созданію національной партіи, и памятникъ этотъ неопровержимо говоритъ, что основнымъ внутреннимъ мотивомъ выдѣленія въ особую организацію было глубокое недовѣріе ко всему инородческому рабочему классу.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, будто я желаю совершенно облить сіонистъ-въ отъ вышеуказаннаго бундовскаго обвиненія—будто я совершенно отрицаю наше участіе въ разрушеніи павной вѣры еврейскихъ социалдемократовъ въ чужую защиту. Напротивъ! Бундовцы неправы лишь постольку, поскольку они приписываютъ сіонистамъ такія попытки *послѣ* возникновенія Бунда. Намъ дѣйствительно незачѣмъ было разрушать то, что уже было разрушено въ 1895 году и торжественно погребено въ 1897; а если отдельные сіонисты въ единичныхъ случаяхъ и дальше проявляли такія попятыванія, то ужъ это было, конечно, совершенно излишне, и объясняется это просто инерціей чрезмѣрнаго усердія. Но по существу своихъ обвиненій бундовцы совершенно правы: да, мысль о томъ, что нѣтъ горшей вѣрности, чѣмъ еврейская надежда на инородческую защиту, первымъ своимъ политическимъ провозглашеніемъ обязана была дѣйствительно сіонизму: она проходитъ чрезъ всю брошюру Пинскера, она играетъ огромную, даже—охотнѣе сказать бы я—чрезмѣрную роль въ психологіи первыхъ дѣятелей палестинфильства и сіонизма; и когда—черезъ 14 лѣтъ—отъ проникновенія этой мысли въ среду рабочаго движенія появляется на свѣтъ національно-обособленная еврейская рабочая партія, то это бесспорно снова подтверждаетъ уже однажды полученный нами выводъ о томъ, что въ основу бундизма исторически легли идеи, очерченные съ большимъ опозданіемъ изъ сіонистическаго катехизиса.

II.

Но въ «Поворотномъ пунктѣ» намѣченъ и второй внутренній мотивъ обособленія еврейскихъ рабочихъ въ національную партію. Этотъ мотивъ есть паличность особыхъ интересовъ. Въ смыслѣ конституирующаго момента этотъ мотивъ по важности долженъ быть признанъ даже не вторымъ, а первымъ: самое «недовѣріе» можетъ возникнуть только тогда, когда имѣются на лицо особыя групповыя требованія, защита которыхъ не входитъ непосредственно въ интересы другихъ группъ. Партіи размежевываются только по линіи особенности интересовъ. Если бы дѣло шло фактически только о техническихъ особенностяхъ—например, объ агитаціи на жаргонѣ,—то вмѣсто Бунда возникло бы нѣчто вроде еврейскихъ комитетовъ П. П. С. — чисто-техническое подраздѣленіе безъ всякихъ конститутивныхъ признаковъ особой партіи. Бундъ же сложился въ особую партію въ полномъ смыслѣ этого слова, и бундовцы этимъ даже не мало всегда гордились и гордятся. Ясное дѣло, что незачѣмъ было бы и огородъ городить, если бы въ дѣятеляхъ 1894—97 года не бродило, подъ вліяніемъ тѣснаго соприкосновенія съ массой, неопредѣленное, но сильное сознаніе того, что специфическая статика этой массы не можетъ не требовать и специфическихъ дополненій къ обычной социалдемократической программѣ. И если преобладающимъ настроеніемъ въ средѣ этихъ дѣятелей было тогда, какъ мы видѣли, недовѣріе къ чужой помощи, то роль преобладающаго *положительнаго импульса* сыграло это сознаніе особенности интересовъ еврейскаго пролетаріата. И возникновеніе Бунда въ 1897 года было, такимъ образомъ, не только манифестаціей недовѣрія: это было настоящее прокламирование принципа особыхъ интересовъ.

Но только принципа. Ни въ 1895 году авторъ «Поворотнаго пункта», ни въ 1897 первый учредительный съездъ «Всееврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ» не сумѣли вложить въ этотъ принципъ исчерпывающее содержаніе: и тотъ, и другой ограничились пресловутой «равноправностью». Принять сколько-нибудь въ серъезъ этотъ мизерный лозунгъ есть, конечно, дѣло невозможное: самъ Бундъ расписался въ этомъ, расширивъ чрезъ нѣкоторое время свою національную программу до предѣловъ «культурной» автономіи. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ жалко звучала эта «равноправность» при тогдашнемъ разгарѣ дѣла Дрейфу-

са въ свободной Франціи,—еще болѣе ничтожное впечатлѣніе производилъ этотъ «гвоздь» бундовской національной программы въ сопоставленіи съ широкоѣщательными тирадами «Поворотнаго пункта». «Пробужденіе классового и національнаго самосознанія»—говорилось въ этой брошюрѣ—«должно идти рука объ руку!» Врядъ-ли могли кто-нибудь серьезно думать, что «равноправіе» способно сыграть роль знамени, вокругъ котораго можно было бы сконцентрировать это пробужденное національное самосознаніе; да притомъ настолько-то «національнаго самосознанія», чтобы понимать необходимость уравненія въ правахъ, имѣлось и тогда въ наличности у каждаго зауряднаго еврея, балабоса или рабочаго, и нечего и некого было съ этой точки зрѣнія «пробуждать». Въ смыслѣ несоотвѣтствія между постановкой вопроса въ «Поворотномъ пунктѣ», всетаки довольно широкой, и художесственностью той «программы», которая была выдвинута въ отвѣтъ,—можно смѣло сказать, что гора родила мышь,—что Вундъ умѣлъ обособиться, но не умѣлъ объяснить, по имя чего онъ обособляется.

На первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ. Если разсуждать прямолинейно, то естественнымъ былъ бы какъ разъ обратный порядокъ: сначала продумать и вполне выяснить всю сумму своихъ специфическихъ требованій—и только потомъ, въ зависимости отъ характера и объема послѣднихъ, рѣшить вопросъ о желательности или нежелательности выдѣленія. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи становится понятнымъ, почему въ данномъ случаѣ дѣло сложилось и должно было сложиться не такъ. Въ томъ сложномъ и запутанномъ положеніи, въ которомъ находится и еврейскій народъ вообще, и главнымъ образомъ еврейская наемно-трудовая масса съ ея бременемъ тройнаго гнета,—всегда гораздо легче *ощутить* особность интересовъ, чѣмъ понять и точно формулировать ее. *Ощущеніе* того, что еврей рѣзко и во всемъ непохожъ на русскаго или поляка, что у еврея все по иному, что у насъ и у нихъ мѣрки разныя и разныя потребности, и вообще „что одному здорово, то другому карачунъ,“—это ощущеніе въ самой сильной формѣ несконн глубоко жило въ еврейской массѣ, до самыхъ ея низовъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ глубже. Идея полнаго, безразличнаго сліянія русскихъ и евреевъ въ одной организаціи—эта идея на практической повѣркѣ въ средѣ живыхъ массъ должна была непонятнымъ, но нагляднымъ образомъ оказаться дикой, несообразной, несостоятельной. Такъ оно и случилось, и при первомъ соприкосновеніи съ широкой

еврейской массой пионеры движенія поняли, что имъ не сдѣлать ни шагу дальше, если они предварительно ни установятъ разъ навсегда однородность матеріала, изъ котораго будутъ ковать партію. Имъ пришлось прежде всего подчиниться этому стихійно-массовому ощущенію полной несовмѣстимости «вола и осла» въ одной упряжи— иначе, повидимому, немислимо было вести какую бы то ни было работу; операцию выдѣленія пришлось сдѣлать и оформить сейчасъ-же, не теряя времени.—Но выяснить во всѣхъ подробностяхъ содержаніе и коренныя причины ощущенія—это было далеко не такъ уже къ спѣху. Поглощенная ближайшими задачами—сначала экономической борьбою съ хозяиномъ за лишній кусокъ хлѣба, потомъ съ городовымъ за свободу экономической борьбы,—масса по собственному почину не проявляла особенной требовательности въ этомъ отношеніи; ей было тогда не до творческихъ задачъ, не до плановъ обще-національнаго освобожденія, даже не до принципа «самоопредѣленія»—ибо, какъ справедливо сказано въ «Исторіи еврейскаго рабочаго движенія»—«рабочая масса обыкновенно борется за принципы лишь тогда, когда эти принципы *непосредственно* (курсивъ автора) вытекаютъ изъ сознанныхъ ея потребностей*)»—т. е., говоря болѣе простымъ штилемъ, борется вообще не за принципы, а за свои ближайшія выгоды, не особенно ломая голову надъ широкими задачами грядущаго. Поэтому особенно пытливыхъ вопросовъ объ истинныхъ мотивахъ обособленія эта масса своимъ руководителямъ не задавала и вполне удовлетворилась куцымъ, но популярнымъ и насущнымъ лозунгомъ равноправія. И вполне возможно, даже очень вѣроятно, что въ пылу борьбы съ балабосомъ и полиціей (тогда это называлось борьбой съ капитализмомъ и самодержавіемъ) еврейская рабочая масса долго-бы еще довольствовалась той-же программой, и ея руководителямъ еще Богъ знаетъ сколько лѣтъ не пришлось бы раскошелиться на «культурную» автономію,—если бы не новый толчокъ снаружи, не новый напоръ вѣшнихъ вліяній.

III.

Въ томъ-же 1897 году, когда состоялся учредительный съѣздъ Бунда, былъ созванъ первый конгрессъ сіонистовъ. Обыкновенно выражаются, что съ этого момента выступилъ на сцену политическій

*) Стр. 63.

сіонизмъ. Я по этому вопросу нѣсколько иного мнѣнія: думаю, что истинно-политическая стадія сіонизма начинается только теперь. Но, во всякомъ случаѣ, *имя* политическаго сіонизма дѣйствительно провозглашено въ 1897 году; и такъ какъ въ имени этомъ заключается единственная и всеобъемлющая разгадка еврейской проблемы, то и одно его провозглашеніе само по себѣ уже было событіемъ. Слабый искри палестинифильства и ахадъ-гаизма превратились въ яркій базельскій маякъ; обновленный сіонизмъ быстро достигъ небывалаго вѣдѣнія расцвѣта и предпринялъ завоевательный походъ на всѣ слои еврейства. Первый годъ или два ушли, впрочемъ, на вербовку союзниковъ изъ верховъ, изъ среды „общества“; это, конечно, тоже приводило къ столкновеніямъ съ социалистами и въ томъ числѣ съ Бундомъ, но столкновенія носили характеръ шумно-невинныхъ дискуссій между интеллигентами на невинныя темы вроде націонализма и ассимиляціи, благонадежности или неблагонадежности турецкаго падишаха, благозвучности или неблагозвучности древнееврейскаго языка. Это все создавало недружелюбное отношеніе другъ къ другу; но настоящая борьба разразилась съ того момента, когда окрѣпшій сіонизмъ обратилъ вниманіе на возроставшій въ еврейскаго рабочаго движенія и направилъ свой первый, еще неумѣлый натискъ на эту позицію, гдѣ къ тому времени (было это въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ) почти единовластно господствовалъ Бундъ. Тутъ уже начались не теоретическія дискуссіи, а борьба за власть надъ обильнымъ и воспримчивымъ человеческимъ матеріаломъ.

Руководители Бунда встрѣтили новаго конкурента съ чувствомъ ненависти и опасенія. Это всѣмъ и въ достаточной мѣрѣ вѣдомо, но это всетаки нуждается въ объясненіи. Почему ненависть и почему опасеніе? Съ одной стороны, почему ненависть? Вѣдь о томъ, что «собственная территория» противорѣчитъ интересамъ еврейскаго пролетаріата, который и тогда тысячами эмигрировалъ, можно было въ серьезъ рассказывать только опираясь на невѣжество массоваго слушателя; странная бессмысленность этого аргумента сама по себѣ доказываетъ, что онъ могъ вырасти только на почвѣ уже созрѣвшей ненависти къ сіонизму—слѣдовательно, не этимъ аргументомъ была она обусловлена. Что же ее вызвало?—Съ другой стороны, чѣмъ могло быть вызвано *опасеніе* предъ натискомъ сіонизма на буцковскую массу? Вѣдь люди, сколько-нибудь знакомые съ ультра-боевымъ настроеніемъ этой массы, должны были сразу увидѣть въ этомъ натискѣ, въ его призывахъ къ отказу отъ борьбы съ полиціей

и къ реніектированію интересовъ балабоса—въ признаки покушенія съ негодными средствами. Откуда же взялось опасеніе?

Разберемся отдѣльно въ причинахъ ненависти и въ причинахъ опасенія.

Ненависть имѣла два источника: первый коренился въ характерѣ тогдашняго сіонизма, второй и главный—въ настроенія руководителей Бунда.

Въ извѣстной антисіонистической статьѣ австрійскаго социаль-демократа Макса Цеттербаума «Сіонизмъ и социализмъ» содержится одно откровенное признаніе, которое въ примѣненіи къ дѣятелямъ Бунда вполне уясняетъ намъ первый изъ этихъ двухъ источниковъ бундовской ненависти. Цеттербаумъ говоритъ:

Принципіально противъ конечной цѣли сіонизма, т. е. противъ основанія въ Палестинѣ „еврейскаго государства“, социаль-демократы ничего не имѣютъ... Отношеніе еврейской социаль-демократіи къ сіонизму менѣе всего опредѣляется вопросомъ о конечной цѣли этого движенія. Рѣшающимъ моментомъ въ данномъ случаѣ являются не конечная цѣль и не иллюзіи отдѣльных личностей, а исключительно конкретное сіонистское движеніе, его дѣятельность и міросозернаніе... и, наконецъ, его отношеніе къ жизненнымъ интересамъ дня и дѣйствительности, какъ оно проявляется въ официальныхъ заявленіяхъ и резолюціяхъ *).

Это дѣйствительно значитъ поставить вопросъ на правильную почву. Сѣверо-восточные товарищи г. Цеттербаума субъективно могли быть увѣрены, что ихъ вражда къ сіонизму въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ изъ интересовъ еврейскаго пролетаріата, которые обязательно требуютъ осѣдлаго пребыванія въ странѣ съ инородческимъ большинствомъ; но въ дѣйствительности ихъ вражда была обусловлена только конкретнымъ характеромъ тогдашней стадіи сіонизма. Что же это была за стадія?

Это была отроческая стадія, совершенно аналогичная съ отроческими періодами всѣхъ другихъ народныхъ движеній, и самую наглядную и убѣдительную аналогію представляетъ, конечно, развитіе социализма. Первые періоды народныхъ движеній въ силу психологической необходимости носятъ характеръ утопическій и реакціонный, и этотъ характеръ бываетъ тѣмъ рѣзче выраженъ и тѣмъ долѣе держится, тѣмъ ярче идеаль и тѣмъ многочисленнѣе та че-

*) Стр. 7—8—9.

ловѣческая группа, интересы которой покрываются этимъ идеаломъ. Ибо самая радикальность и потому отдаленность цѣли невольно за- ставляетъ первыхъ ея глашатаевъ и приверженцевъ изобрѣтать на- вивно-утопическія средства для „быстраго“ и „легкаго“ осуществле- нія идеала и твердо вѣрить въ пригодность этихъ средствъ. Одинъ изъ первыхъ социалистовъ проектируетъ фаланстеры, мечтая мало по малу заполнить такими коммунистическими оазисами все про- странство капиталистическаго хаоса; первые сionисты — палестино- филы и билуицы — насаждаютъ крохотныя колоніи, вѣруя, что та- кимъ путемъ, въ часть по столовой ложкѣ, имъ удастся вычерпать до дна все море голуса. Первые социалисты вѣрили въ возможность осуществить социальный переворотъ при доброй поддержкѣ властей прелержащихъ, фантазировали о союзѣ королевской власти съ ра- бочими, взывали къ гуманнымъ чувствамъ монарховъ и капитали- стовъ, посвящали свои книги вліятельнымъ сановникамъ; авторъ идеи политическаго сionизма строилъ свои расчеты въ значительной мѣрѣ на согласіи и поддержкѣ сильныхъ міра сего. А утопическія надежды невольно и неминуемо приводятъ къ реакціонной тактикѣ, ибо въ интересахъ дѣла приходится ладить съ властью, которая всегда анти-прогрессивна, и проповѣдывать массамъ разлагающую политическую пассивность. Такъ дѣйствовали первые социалисты; такъ дѣйствовалъ и сionизмъ въ юношеской стадіи своего развитія. Въ тотъ моментъ, когда сionизмъ вступилъ въ острый фазисъ не- посредственной конкуренціи съ Бундомъ, конкретное сionистическое движеніе носило безусловно утопическій и реакціонный характеръ.

Исторически оно такъ и должно было быть, и не могло быть иначе, и все это ни съ какой стороны не можетъ служить пово- домъ для „упрековъ“ по нашему адресу. При разсмотрѣніи истори- ческихъ процессовъ вообще неумѣстно упрекать или хвалить, осуж- дать или одобрять. Все, что было, должно было быть, и не только въ томъ полу-абстрактномъ смыслѣ, что все совершающееся предо- предѣлено законами причинности, но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что въ процессѣ развитія всякая стадія по-своему полезна и цѣлесообразна. Если бы социалистическій идеалъ сразу явился на свѣтъ во всеоружіи своихъ нынѣшнихъ методовъ, съ классовой и политической борьбой, профессиональными союзами и программой-ми- нимумъ, — онъ не привлекъ бы сторонниковъ ни въ одномъ слоѣ неподготовленнаго общества: планъ показался бы сразу запутаннымъ, противорѣчивымъ и громоздкимъ, сложность методовъ заслонила бы

идеаль, и въ концѣ концовъ изъ за деревьевъ было бы не видно леса. Утопическая форма полезна именно потому, что она сразу обольщаетъ красотой идеала и въ то же время не отпугиваетъ трудностями и продолжительностью предстоящаго пути; въ этой упрощенной оправѣ идеаль съ большей легкостью привлекаетъ приверженцевъ, а когда они постепенно сродняются со своей новою вѣрой, тогда становится возможнымъ пересмотръ старыхъ плановъ, реализаціи и замѣна ихъ новыми, болѣе сложными чертежами. Утопическій періодъ необходимъ, ибо иначе идеаль не можетъ быть воспринять широкими кругами приверженцевъ, и только послѣ обязательнаго завершения этой утопически-реакціонной стадіи возможна выработка истинныхъ методовъ движенія, гдѣ добрая воля власть имущихъ замѣняется организаціей народныхъ силъ, а скачокъ изъ рабства въ свободу — планомѣрнымъ и постепеннымъ завоеваніемъ позицій.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ XIX вѣка сіонизмъ переживалъ разгаръ своего отрочества. Методы его были утопичны; практика его была реакціонно-пассивна, — причѣмъ я имѣю въ виду, конечно, не ея скептическое отношеніе къ борьбѣ съ городскими, безплодной для Россіи и разорительной для еврейства, а полное отсутствіе какой бы то ни было программы политическаго дѣйствія для діаспоры или Палестины. Рабочая же масса въ это время была пассивна, пропитана субъективнымъ порывомъ къ политическому дѣйствію, и не вина Бунда, если объективныя условія голоса сводили все его отчаянныя усилія къ ничтожнымъ царапинамъ на толстой кожѣ самодержавія. Сіонисты приняли къ рабочей массѣ не только со своимъ идеаломъ, но и со своимъ тогдашнимъ настроеніемъ; со стороны Бунда это настроеніе могло только вызвать негодованіе и отпоръ. Такъ оно и было.

Второй и главный источникъ ненависти коренился въ руководителяхъ Бунда. Имъ ему — ассимиляторство. Во то время эти руководители, принявшіе на III съѣздѣ въ 1900 году знаменитое постановленіе: «Бундъ въ числѣ своихъ политическихъ требованій выставляетъ требованіе только гражданскаго, а не національнаго равноправія», были ассимиляторами даже формально, по своей политической программѣ; но они остались ассимиляторами и послѣ того, какъ на IV съѣздѣ въ 1901 году провозгласили требованіе національной автономіи, которую сейчасъ же послѣ съѣзда поспѣшили ограничить „вопросами культуры и языка“, и къ которой на томъ

же съѣздѣ пріѣхали парочито-извинительную резолюцію о томъ, что „выставленіе“ этой самой автономіи пока „преждевременно“, ибо изъ него можетъ получиться „раздуваніе національнаго чувства“... Надо вообще свыкнуться съ мыслью, что слово „ассимиляторъ“ нельзя понимать буквально въ этимологическомъ его смыслѣ. Такихъ ассимиляторовъ, которые добивались бы дѣйствительнаго и полнаго *уподобленія* еврея не-еврею, почти уже не осталось на свѣтѣ. Всѣ понимаютъ или догадываются, что полное и безповоротное *уподобленіе* возможно лишь на почвѣ физиологическаго скрещенія, а это „средство“ не поддается, конечно, включенію въ серьезную политическую программу; что же касается до внѣшне-культурной ассимиляціи — до *уподобленія* въ языкъ, въ умственную пищу и т. п., то слишкомъ ужъ это все грубо противорѣчить элементарнымъ принципамъ человѣческаго равенства или такимъ основнымъ истинамъ, какъ народный языкъ въ народной школѣ, правъ языковъ въ судѣ, и прочая. Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ народилось цѣлое поколѣніе „національ-ассимиляторовъ“, которые, скрѣпя сердце, не протестуютъ болѣе противъ сохраненія еврейскаго культурнаго облика и даже иногда вполне удачно усваиваютъ себѣ ходячія слова націоналистической фразеологіи, но въ сущности насквозь остаются ассимиляторами. Ибо основная черта ассимиляторства та, что оно органически не можетъ примириться съ мыслью о *самодовольствѣ* еврействѣ. Ассимиляторская психологія *схлѣзлась* съ убѣжденіемъ, что еврейскій народъ не самоцѣль, а средство для хозяйскаго преуспѣянія, и какія бы гордыя фразы о національномъ достоинствѣ ни выучился произносить ассимиляторъ, отъ этого убѣжденія онъ не въ силахъ отрѣшиться. Малѣйшій намекъ на то, что развитіе еврейской исторіи должно оторвать нашъ народъ отъ той самой русской атмосферы, продуктами которой онъ, ассимиляторъ, питался если не со дня рожденія, то со дня вступленія въ сознательную жизнь, — намекъ на это приводитъ его въ бѣшенство. Такъ какъ еврейство до послѣднихъ дѣтъ жило въ политическомъ смыслѣ только отраженной жизнью, онъ не привыкъ рисовать себѣ прогрессъ въ формѣ самостоятельно-еврейскихъ переживаній: для него прогрессъ — это то, что переживаютъ русскіе, поляки, нѣмцы, и къ чему евреи прицѣпляются на буксирѣ; и потому всякая попытка сорвать еврейскій народъ съ буксира во имя независимаго политическаго творчества кажется ему, часто вполне искренно, измѣной прогрессу. Онъ пойдетъ на все уступки, санк-

ционирует не только жаргонъ, но даже древне-еврейскій языкъ, будетъ съ утра до ночи декламировать вамъ на тему „Ливри оной-хн“, — только не посягайте на его территориально-государственную зѣрнопоходанность, только не принуждайте его, привыкшаго мнить себя однимъ изъ участниковъ грандіозной стосорокамилліонной россійской общественности, превратиться вдругъ и сразу въ не болѣе какъ члена крохотной еврейской народности... Въ сущности это пероодѣтое ассимиляторство новѣйшаго образца происходитъ изъ того же источника рабской влюбленности въ богатство панскаго быта, что и откровенная ассимиляція прежняго типа — та, которую авторъ „Рабства въ свободѣ“ заклеилъ у французскихъ евреевъ и яркій образчикъ которой изобразилъ недавно Шоломъ Ашъ въ лицѣ Юстыки изъ „Meschiach's Zeiten“. А у социаль-демократовъ эта ассимиляторская зилка усиливается еще благодаря тому, что признаніе наличности обще-національных задачъ дѣйствительно должно неминуемо ослабить интенсивность классовой борьбы внутри націи. Это роковое обстоятельство дѣлаетъ социалистовъ въ національномъ вопросѣ неизмѣримо болѣе раздражительными и нетерпимыми по сравнению съ приверженцами буржуазно-демократическихъ дозунговъ. И какъ ни правъ г. Цеттербаумъ въ цитатѣ, которую я привелъ, все-таки нетерпимость и раздраженіе естественно должны были принять особенно рѣзкую форму, когда въ качествѣ такой общенаціональной задачи былъ выдвинутъ идеалъ сіонизма, требующій совершенно безиримѣрнаго, едва-ли не всенеподобнаго напряженія національных силъ и, по крайней мѣрѣ по вѣроятности, отстраненія внутреннихъ противорѣчій на дѣтскій задній планъ. И такъ какъ это ассимиляторское настроеніе, нынѣ замаскированное, въ то время еще господствовало въ Бундѣ (какъ я уже упоминалъ) даже формально, въ смыслѣ программы, — то рѣзкій радикализмъ сіонистическаго отвѣта на еврейскій вопросъ не могъ не возмутить до глубины души вожаковъ этой партіи, которые и теперь, въ 1906 г., откровенно объявляютъ себя оппортунистами въ области національной проблемы *). Имя этихъ вожаковъ еврейскаго революціоннаго движенія, больше чѣмъ всѣхъ другихъ еврейскихъ интеллигентовъ задѣла и оскорбила омерзительная примоднейность сіонизма, ибо они-то больше всѣхъ другихъ еврейскихъ интеллигентовъ привыкли считать себя не только участниками, но и творцами россійской об-

*) См. статью г. Гейликмана въ № 7 „Нашего Слова“.

щестренности.—и вдругъ имъ крикнули въ лицо, что все это само-обманъ, что на російскую общественность они не могутъ имѣть никакого вліянія, что весь ихъ героизмъ напрасенъ и все ихъ жертвы бесполезны, и что въ обновленной Россіи ихъ и насъ точно такъ-же отгиснуть на задворки, съ бранью и насиліемъ, какъ до обновленія. Все это была святая правда. Но если бы въ то время самъ Богъ низшелъ съ неба возвѣстить эту правду, единственнымъ психологически-возможнымъ отвѣтомъ на нее оказался бы взрывъ непримиримаго раздраженія. Такъ оно и было.

Но раздраженіе само по себѣ не могло бы привести къ той интенсивной ненависти, какую Бундъ всегда проявлялъ къ сіонизму, если бы оно не совпало съ другимъ чувствомъ — съ опасеніемъ. Полагаю, что доказывать наличность этого бундовскаго страха предъ сіонизмомъ—совершенно излишне: врядъ ли кто нибудь рѣшится отрицать такую очевидную вещь. Впрочемъ, все дальнѣйшее изложеніе, помимо даже моей воли, будетъ доказывать и напоминать вамъ объ этомъ чувствѣ опасенія. По количеству энергій, изъ году въ годъ расходуемой Бундомъ на борьбу противъ сіонизма, по тому значенію, которое Бундъ всегда придавалъ этой борьбѣ, хвастаясь ею даже на международныхъ конгрессахъ, — наконецъ по характеру самой эволюціи бундовскаго націонализма вы на каждомъ шагѣ вынуждены будете заключить: такъ воюють только съ тѣмъ конкурентомъ, котораго очень боятся.

Но въ такомъ случаѣ собственно самъ собою падаетъ вопросъ, который я раньше поставилъ: почему опасеніе? Причина боязни въ подобныхъ случаяхъ ясна изъ самого факта боязни: признать идею *опасной* значитъ тѣмъ самымъ признать ее *соблазнительной*—признать, что въ ней есть нѣчто способное привлечь и увлечь вашу паству. Другого объясненія быть не можетъ. И то множество желчи и неправды, которое за эти годы пущено было Бундомъ въ ходъ противъ сіонизма, всегда служило намъ яркимъ показателемъ, какъ мало вѣрили сами вожаки Бунда въ свои собственные клятвенныя завіренія, что, молъ, «эти теченія успеха среди еврейскихъ рабочихъ не имѣютъ и имѣть не могутъ» *). Вся многолѣтняя тактика этихъ вожаковъ по адресу нашего движенія говорить неопровержимо, что даже подъ реакціонной маской своего отроческаго періода оно включало нѣчто въ высшей степени

*) На амстерд. конгрессѣ. См. дальше.

привлекательное для еврейскаго рабочаго, — даже при покушеніи съ явно-негодными средствами оно всетаки грозило овладѣть душою массы, и они, руководители, чувствовали эту возможность. Своею травлей они только расписывались въ томъ, что, впрочемъ, и безъ нихъ должно было быть ясно каждому здоровому человѣку — что идея національной независимости могла быть предметомъ ненависти только для ассимилятора, но въ сознаніи простой и цѣльной массы эта идея задѣла бы сильныя струны...

Такова была картина къ концу прошлаго столѣтія. Бундъ владѣлъ еврейской рабочей массой, сіонизмъ пытался проникнуть въ ея среду; сіонизмъ того періода былъ облеченъ въ самую непривлекательную форму, но и въ этомъ видѣ онъ показался руководителямъ Бунда сильнымъ и опаснымъ конкурентомъ, и непривлекательная виѣшность соперника только усилила ихъ ненависть, вытекавшую въ основѣ изъ глубокой ассимиляторской закваски, — но не уменьшила страха. И первое формальное сраженіе, данное Бундомъ нашему движенію на знаменитомъ IV съѣздѣ въ 1901 году, было въ то же время выразительной манифестаціей этого страха предъ натискомъ сіонизма.

Два подтвержденія своей боязни далъ Бундъ на этомъ IV съѣздѣ.

Первое изъ нихъ — резолюція о сіонистахъ. Не та теоретическая резолюція о сіонизмѣ, которая принята была въ томъ же за-сѣданіи и не представляетъ ровно никакой цѣнности даже въ смыслѣ критики дѣйствительно-слабыхъ сторонъ тогдашняго сіонизма, — а практическое постановленіе о сіонистахъ. Вотъ соответствующее мѣсто изъ официальнаго отчета о IV съѣздѣ:

Оживленный обмѣнъ мыслей вызвалъ затѣмъ возбужденный однимъ изъ членовъ вопросъ, можно-ли принимать въ наши экономическія и политическія организациі рабочихъ сіонистовъ, если таковыя гдѣ либо имѣются. Многими организаторами были выяснены различныя неудобства и вредныя послѣдствія, могущія произтекать отъ участія сіонистовъ даже во временныхъ социаль-демократическихъ организаціяхъ. Было поэтому постановлено, что

„ни въ экономическія, ни въ политическія наши организациі сіонисты не должны быть ни въ коемъ случаѣ допускаемы“.

Въ этомъ херемѣ особенно замѣчательно то, что сіонисты исключаются даже изъ *экономическихъ* организацій. Между тѣмъ, наприимѣръ, въ «Исторіи еврейскаго рабочаго движенія» на стр. 84

вы найдете заявленіе о томъ, что въ эти свои экономическія организаціи Бундъ широко открываетъ «доступъ *всякому* рабочему, желающему бороться за улучшеніе своего матеріальнаго положенія, *не требуя для этого ничего, кромѣ простой добронормальности*». Какъ видите, сіонисты не просто исключены, а такъ сказать поставлены вѣтъ закона, ибо изгнаніе за убѣжденія безспорно идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ пониманіемъ самой идеи экономической организаціи. Это очень характерное условіе, ибо ему есть очень характерныя аналогіи въ западно-европейской исторіи и практикѣ. Аналогіи эти доказываютъ, что такая чрезвычайная мѣра — изъятіе изъ общаго правила — пускается въ ходъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда идея, противъ приверженцевъ которой направлено это средство, дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣчто неотразимо увлекательное для массы. Достаточно вспомнить, что буржуазные демократы «Молодой Германіи» тоже допускали въ свои рабочіе фереины „всѣхъ“, кромѣ коммунистовъ; и точно такъ-же католическіе профессиональные союзы Германіи до послѣдняго года не принимали въ свою среду рабочихъ социаль-демократовъ. Очевидно, и либералы 48 года, и клерикалы нынѣшняго центра хорошо поняли, что есть идеалы, вытекающіе изъ самой жизни, и съ такими идеалами нельзя бороться доводами: ихъ надо просто устранять изъ поля зрѣнія пасомага стада, не допускать никакого соприкосновенія, потому что въ нихъ слишкомъ много правды...

Но главнымъ и торжественнымъ подтвержденіемъ страха предъ сіонизмомъ было на IV съѣздѣ нѣчто куда болѣе важное, чѣмъ резолюція о недопущеніи крамолы въ бундовскія казармы: главнымъ подтвержденіемъ былъ шагъ, дѣйствительно положившій начало новой эрѣ въ еврейскомъ рабочемъ движеніи, — рискованный шагъ, имѣвшій для Бунда большія и серьезныя послѣдствія. Это была извѣстная резолюція о національной автономіи*), резолюція, помощью

*) Критикой бундовской автономіи по существу, какъ уже сказалъ, я займусь въ другой разъ; здѣсь только напомнимъ для слабо знающихъ съ этимъ вопросомъ, что въ нынѣшней своей формѣ эта автономія сводится исключительно къ праву каждой націи самостоятельно заводить своими просвѣтительными учрежденіями—школами, музеями и т. п. Больше ничего, никакія другія дѣла въ національную автономію не входятъ. Это называется національно-„культурной“ автономіей и представляетъ, по мнѣнію Бунда, вполне достаточный отвѣтъ на экономическое вытѣсненіе, общественный бойкотъ, эмиграцію и погромы.

которой Бундъ попытался вложить, наконецъ, исчерпывающее конкретное содержаніе въ принципъ «особыхъ интересовъ»,—въ основной принципъ, провозглашенный еще въ 1897 году самымъ фактомъ возникновенія Бунда.

Въ сіонистической печати уже было доказано, что эта попытка IV съезда была сдѣлана подъ давленіемъ сіонизма. Никакія возраженія противъ этой фактической истины не могутъ имѣть силы, потому что у насъ о томъ есть официальное свидѣтельское показаніе самого Бунда въ видѣ изданной центральнымъ комитетомъ брошюры подъ заглавіемъ «Къ вопросу о національной автономіи и т. д.» Въ этой брошюрѣ на стр. 6 напечатаны слѣдующія, уже довольно часто цитированныя признанія:

Въ Бундѣ отсутствіе опредѣленнаго взгляда на національный вопросъ дало себѣ чувствовать на каждомъ шагу. Еврейскій пролетаріатъ принадлежитъ къ одной изъ наиболее угнетенныхъ націй въ Россіи. Онъ живетъ, къ тому, на окраинахъ Россіи, среди множества другихъ преслѣдуемыхъ народовъ—поляковъ, литовцевъ, латышей, малороссовъ, востовъ, бѣлоруссовъ и т. д. У каждой изъ этихъ національностей есть своя національная программа и требованія. Нѣкоторые изъ нихъ стараются привлечь еврейскихъ рабочихъ на свою сторону, дабы они усвоили ихъ точку зрѣнія и защищали ихъ программу. И въ средѣ самого еврейства имѣются буржуазныя партіи, выставляющія опредѣленный еврейскій національный идеалъ и старающіяся привлечь на свою сторону и еврейскихъ рабочихъ. Спрашивается, можетъ ли при такихъ условіяхъ Бундъ довольствоваться неопредѣленнымъ и растяжимымъ понятіемъ: «право самоопредѣленія»? Не рискуетъ ли онъ съ этимъ «правомъ самоопредѣленія» потерять всякое чуте действительности?

Национальный вопросъ назрѣлъ и никакими заклинаніями вы его не устранили; рѣшеніе его можно отсрочить на годъ, на два, какъ это попытался сдѣлать III съездъ, но затѣмъ отвѣтъ всетаки нужно будетъ дать. Если мы этого не сдѣлаемъ, то это сдѣлаютъ другіе, сдѣлаетъ буржуазная интеллигенція, которая, конечно, постарается вызвать наружу дурныя страсти массы и воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Мало того, буржуазная интеллигенція въ лицѣ сіонистовъ разныхъ фракцій уже выступаетъ съ національной программой и все настойчивѣе стремится отвлечь еврейскихъ рабочихъ отъ социаль-демократическаго движенія. И если мы не хотимъ, чтобы вліяніе на умы рабочихъ пріобрѣли партіи, враждебныя рабочему движенію, если мы хотимъ помѣшать развитію сіонизма въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, мы должны взять національный вопросъ въ свои собственныя руки и разрѣшить его въ социаль-демократическомъ смыслѣ.

Комментарии могли бы только затуманить похвальную ясность этой исповеди; но не лишне будет подчеркнуть ее новым, уже совсем свежим и столь же авторитетным подтверждением. Оно содержится в недавно изданном отчете о прениях на VII конференции Бунда по вопросу о воссоединении с Российской партией *). Перелистывая эту брошюру, вы чуть ли не на каждой страницѣ, чуть ли не у каждого оратора встретите повторение одной и той же мысли: если партия заставит нас отказаться от «культурной» автономии, масса уйдет к сионистам! Единственный, кто запротестовал против этой угрозы, был делегат г. Зельцер: он шумно заявил, что думать так значит оскорблять еврейский пролетариат, а на самом деле сионисты не страшны. Ему очень аплодировали. Но с тех пор, кажется, прошло не так много времени, а между тем в 6-м № „Нашего Слова“ тот самый г. Зельцер рождает следующую знакомую попку:

...Мы подчеркиваемъ вѣроятность того, что партия выскажется противъ культурно-национальной автономіи, и спрашиваемъ товарищей изъ „большинства“ **) — что же будетъ тогда? Неужли вы и въ этомъ вопросѣ отречетесь отъ своихъ взглядовъ, санкціонируете рѣшенія, діаметрально противоположныя вашимъ убѣжденіямъ — и предоставите еврейскій пролетаріатъ въ жертву сионистической демагогіи?

Надо полагать, г. Зельцер не сбухтабарахты говорит сегодня одно, а завтра другое. Надо полагать, его переубѣдило болѣе близкое знакомство съ настроеніемъ массы...

Самъ г. Зельцер, онъ можетъ, совершенно искренній националист и дѣйствительно вѣрить, что „культурная“ автономія хороша и полезна сама по себѣ, какъ рѣшеніе еврейской проблемы. Но угрожающій вопросъ, которымъ онъ въ концѣ этой выписки старается запугать своихъ товарищей (хорошо, повидимому, зная ихъ психологию), — этотъ вопросъ доказываетъ, что въ глазахъ руководителей Бунда главнымъ назначеніемъ автономіи все-таки остается та же старая роль громозвона противъ сионизма. Ради этой дѣли ее выставили, ради этой дѣли ее надо сохранять.

*) Къ вопросу объ объединеніи. Извлеченіе изъ протоколовъ VII конф. Бунда. Стр. 7, 15, 23, 40 и др.

**) Речь идетъ о „большинствѣ“, стоявшемъ, какъ видно, за объединеніемъ. — Гл. Ж.

Около того же времени, когда въ Бундѣ назрѣвала „національная автономія“, въ окружающей русской дѣйствительности, по странному совпаденію, наблюдалось аналогичное, хоть и къ другой области относящееся явленіе. Агенты самодержавія пришли къ убѣжденію, что рабочій вопросъ «назрѣлъ, и никакими заклинаніями вы его не устранишь», а потому необходимо дать боевой энергіи пролетаріата безвредный громоводъ, который ствлекать бы рабочихъ отъ социализма и политической борьбы. Такъ явилась на свѣтъ теорія «независимцевъ». — Не провожу знака равенства между Бундомъ и агентами самодержавія, но выставленіе національной автономіи на IV съѣздѣ Бунда было актомъ національной зубатовщины. И подобно тому, какъ настоящая зубатовщина субъективно была задумана для уничтоженія социаль-демократіи, но объективно означала отступленіе самодержавія подъ натискомъ социаль-демократіи, — такъ же точно и націонализация бундовской программы, затѣянная ради борьбы съ сіонизмомъ, была на самомъ дѣлѣ уступкой сіонизму.

IV.

Это противорѣчіе между намереніями и результатами очень характерно для дальнѣйшаго развитія Бунда, какъ національной партіи: можно смѣло сказать, что вся послѣдующая исторія бундовскаго націонализма и организаціонныхъ мытарствъ на этой почвѣ цѣликомъ сводится къ глухой и упорной борьбѣ между объективными тенденціями еврейскаго рабочаго движенія и субъективными настроеніями руководителей Бунда. И любопытная подробность: чѣмъ сильнѣе берутъ верхъ объективныя тенденціи движенія, чѣмъ ярче отражается на эволюціи Бунда вліяніе сіонизма, тѣмъ рѣзче выступаетъ и подчеркивается субъективная вражда. Ее усугубляетъ еще то обстоятельство, что Бундъ находится между двухъ огней — при всей своей организаціонной самостоятельности онъ въ идейномъ отношеніи все время невольно чувствуетъ себя вассаломъ Россійской партіи и старается елико возможно оправдаться въ подозрительныхъ глазахъ женеваго св. престола. Для этого пускается въ ходъ самый упрощенный и самый наивный изъ приемовъ оправданія — брава по адресу тѣхъ, у кого только что позаимствовался. Слѣды этого приема есть еще въ »Поворотномъ пунктѣ«, хотя въ этой брошюрѣ собственно о сіонизмѣ, переживавшемъ тогда — наканунѣ — отступленія Герцля — глубокой упадокъ, даже не упоминается. Эти

глубинных, стойких взглядов почтеннейшей публики, что в еврейской буржуазии и интеллигенции никогда не возникала мысль о самостоятельности еврейского народа, что идея автоэманипации открыта впервые «нами» и вот именно сегодня, 2-го мая 1895 г., — уже в эти характерные детали первого лепета Бунда сильно говорить о желаніи, одновременно съ провозглашеніемъ «новаго слова», тутъ-же отрестить и отпереться отъ всякаго знакомства съ тѣмъ болондцемъ, откуда въ сущности почерпнуто «новое слово». На IV съѣздѣ отрестиваніе выразилось, конечно, гораздо рѣзче. Я уже говорилъ, что тутъ же были приняты строгія резолюціи противъ сіонизма и сіонистовъ; и съ этого момента борьба идетъ въ непрерывно-ростущемъ обостреніи. После выхода Бунда изъ Россійской партіи, ярко подчеркнувшаго неполную «кашперность» еврейской рабочей организаціи, бундовскія старанія облить себя посредствомъ отверженія сіонизма приняли совершенно отчаянные размѣры.

Психология, впрочемъ, совершенно понятная. Легко себя представить, въ какое состояніе приводили вожаковъ Бунда такіе отзывы «свыше», какъ хотя бы извѣстная статья въ № 56 «Искры» подъ заглавіемъ «Разложеніе сіонизма и его возможные преемники». Тамъ, напримѣръ, говорилось:

...Именно внутренняя логика этой самой борьбы съ сіонизмомъ и вливала націоналистическое содержаніе въ политическую агитацію Бунда. Политическая борьба чаще всего бываетъ въ то же время политической конкуренціей, въ которой многому научаются отъ врага .. Взятый объективно, онъ (Бундъ) представляетъ теперь собою агитаціонный аппаратъ, наиболѣе пригодный для совлеченія еврейскаго пролетаріата съ пути революціоннаго социаль-демократизма на путь революціонно-демократическаго націонализма. Конечно въ субъективномъ сознаніи вождей Бунда сохранилось еще достаточно социаль-демократическихъ „переживаній“, чтобы бороться противъ такого совлеченія. Но логика фактовъ сильнѣе, чѣмъ косность мысли.

Они (буржуазные демократы, сіонисты тоже) придутъ — они идутъ уже — и властно отсграничатъ тѣхъ, которые покажутся имъ доктринерами *)

Фактъ, на который указано въ послѣднихъ словахъ «Искры» — „они идутъ уже“ — менѣе всего, конечно, могъ содѣйствовать успокоенію бундовской первиности. Если необходимость поддаваться давленію буржуазно-интеллигентскаго сіонизма приводила вожаковъ

*) Цитирую по „Вѣстнику Бунда“, № 1—2, стр. 25.

Бунда въ состояніе раздраженія, то упорное развитіе специально-рабочаго сіонизма повышало это раздраженіе до совершенно неприемлемыхъ размѣровъ. Формы, въ которыхъ оно проявлялось, были иногда до такой степени своеобразны, что даже трудно понять, какъ могла политическая партія настолько забыть о собственномъ достоинствѣ. Клевета, бойкоты, насилія — весь этотъ каменный градъ, которымъ бундовцы въ разныхъ углахъ черны пытались засыпать на смерть первые всходы рабочаго сіонизма, достаточно извѣстны еврейской публикѣ; я на немъ не останавливаюсь еще и потому, что Бундъ, какъ таковой, можетъ всегда свалить ответственность за все эти эксцессы на плечи отдельныхъ бундовцевъ. Но и въ *официальныхъ* актахъ Бунда сохранился одинъ любопытный памятникъ, изъ котораго стоитъ привести соответствующую выдержку. Въ докладѣ делегаціи Бунда международному социалистическому конгрессу въ Амстердамѣ цѣлая страничка посвящена заслугамъ Бунда по «борьбѣ съ націоналистическими теченіями» — что уже само по себѣ доказываетъ нѣкоторую степень „печистой совѣсти“, безпокойное желаніе „забывать впередъ“ на случай, если тамъ самихъ попрекнуть націонализмомъ. Но шедворомъ „забвѣнія“ надо признать слѣдующія строки на этой страничкѣ:

...Сіонизмъ началъ разлагаться: изъ него начали выдѣляться теченія, которыя подъ маской „народолюбія“ стараются ассимилировать себѣ еврейскій пролетаріатъ и привить ему буржуазную идеологію; для этого они выступаютъ подъ модными „демократическими“ и „социалистическими“ кличками („сіонисты-демократы“, „сіонисты-социалисты“, „сіонисты-рабочіе“ или „пой-алей-Ціонъ“) и заговариваютъ объ экономическихъ стачкахъ, которыя они предполагаютъ вести, оставаясь въ сторонѣ отъ политической борьбы, о „политикѣ“, которая у нихъ не идетъ дальше личныхъ нападокъ на Плеве и дешевыхъ антиправительственныхъ возгласовъ (въ воззваніяхъ) вроде „долой и т. д.“, о социализмѣ, борьбу за который они откладываютъ до переселенія евреевъ въ Палестину. Эти теченія успеха среди еврейскихъ рабочихъ не имѣютъ и имѣть не могутъ, они возникли слишкомъ поздно, теперь еврейскій пролетаріатъ уже достаточно сознательнъ для того, чтобы подъ новой кожей сіонизма ясно различить его старое реакціонное и буржуазное содержаніе. Правда, „пой-алей-Ціонъ“ („сіонисты-рабочіе“) насадили въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи группки, присвоили имъ, по примѣру революціонныхъ организацій, громкое названіе „комитетовъ“ и начали игру въ революцію; но это только одна мишура: въ дѣйствительности эти „комитеты“ состоятъ изъ націоналистически-настроенныхъ полуинтеллигентовъ и ведутъ за собою пару десятковъ совер-

шению неосознательных рабочих. Это такой „успѣхъ“ среди еврейскихъ рабочихъ, которому врядъ-ли кто-нибудь позавидуетъ („Докладъ“, стр. 14—15).

Мнѣ кажется, что въ ряду памятниконъ партійной грызни этотъ документъ, пошловатый тонъ котораго поражаетъ даже въ сравненіи съ обычнымъ бундовскимъ уровнемъ, долженъ занять совершенно особое мѣсто. На конгрессѣ въ Амстердамѣ не была представлена ни одна изъ социаль-сіонистическихъ фракцій. Какъ можно было въ отсутствіе противника публично разрѣшить себѣ такое шельмованіе, наперекоръ всѣмъ азбучнымъ основамъ простой чело-вѣческой и политической порядочности.—для разгадки этой психологической странности можетъ послужить, повторяю, одна только субъективная необходимость кричать во все горло и на всѣхъ перекресткахъ, что на васъ шалка вовсе не горитъ,—зудъ нечистой совѣсти, который лучше всякаго перекрестнаго допроса развязываетъ языкъ подозреваемого и о которомъ есть народная поговорка: знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Но не только въ этомъ выразилась тенденція открещиванія и застѣнанія слѣдовъ: еще любопытнѣе и характернѣе другой приѣмъ, начало которому положено было на томъ-же IV съѣздѣ. Знаменитая «національная» резолюція этого съѣзда заключала двѣ части. Первая—въ изложеніи officialнаго отчета—гласила такъ:

Съѣздъ признаетъ, что государство, подобно Россіи состоящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи.

Съѣздъ признаетъ, что понятіе „національность“ примѣнимо и къ еврейскому народу.

Въ скобкахъ надо замѣтить: такова первая часть по officialному отчету (стр. 14); какова была ея редакція въ действительности, я до сихъ поръ не могъ себѣ выяснить. Ибо чрезъ нѣсколько времени послѣ IV съѣзда въ «Искрѣ» появилось письмо въ редакцію съ опять таки officialнымъ заявленіемъ, что въ текстѣ резолюціи вкралась описка и вмѣсто «полной національной автономіи» имѣлась въ виду только автономія въ вопросахъ языка и «культуры». Какъ могла получиться такая „описка“, охватывающая чуть ли не всю пропасть между бундизмомъ и нынѣшнимъ сеймизмомъ, это опять «странность», тоже какъ ни какъ говоря-

пая объ одновременномъ присутствіи двухъ несовмѣстныхъ желаній— съ одной стороны, дать „полный“ отвѣтъ и тѣмъ убить сіонизмъ, а съ другой стороны — елико возможно затуманить свою націоналистическую ересь. Однако самымъ яркимъ выраженіемъ этой борьбы ангела съ дьяволомъ и даже победы ангела является вторая часть резолюціи, которая, слава Богу, имѣется въ одной и безспорно истинной редакціи. Вотъ она:

Считая, однако, преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмену всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ проявленій угнетенія еврейской національности избѣгая раздуванія національных чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму.

Закрывъ глаза, можно по этому отрывку опредѣлить весь, такъ сказать, химическій составъ IV съѣзда. Въ этомъ составѣ, очевидно, переплелись тѣ же двѣ несоединимыя тенденціи — сдѣлать и не показать виду, провозгласить и задумнуть, дать и скрыть. «Дать» было необходимо ради борьбы съ конкурентомъ, и въ то же время „дать“ значитъ набросить на себя тѣнь не только въ глазахъ партійнаго раввината, но и предъ собственной ассимиляторской совѣстью. И вотъ съ одной стороны „выставляется“ автономія, которая съ другой стороны тутъ же заставляется плотными ширмами; съ одной стороны провозглашается, что евреи — нація, съ другой стороны тутъ же предлагается анаемъ самая естественная въ угнетенной націи вещь — національное чувство, и вообще предлагается поменьше разговаривать обо всѣхъ этихъ опасныхъ и подозрительныхъ предметахъ. Водружается національное знамя, и на немъ начертано: *Ohn Jerem...*

Весь IV съѣздъ выразился въ этомъ отрывкѣ; но въ IV съѣздѣ выразился весь Бундъ съ его духовною робостью, творческимъ безплодіемъ, органической неспособностью къ размаху, къ полнотѣ горизонта. Изъ самой души Бунда вылился мудрый завѣтъ этого съѣзда: поменьше шуму вокругъ національнаго знамени! — и руководители Бунда дѣйствительно сумѣли свято и строго сохранить этотъ завѣтъ. Правда, нападки «Искры» съ одной стороны и критика социаль-сіонистовъ съ другой перѣдко вынуждали бундовскихъ дѣятелей нарушать обѣтъ молчанія устно и въ печати, но по собственной инициативѣ они его никогда не преступали. Изобрѣтен-

ная ради зубатовскихъ цѣлей и только ради нихъ, національная программа честно содержалась подъ спудомъ и вытаскивалась отту да лишь тогда, когда этого необходимо требовала борьба съ конкурентами. Самъ же по себѣ новый національный лозунгъ былъ имъ чуждъ и неудобенъ; вопреки словамъ «Поворотнаго пункта» о политической цѣнности національнаго самосознанія, они пальцемъ о палецъ по собственному почину не ударили для того, чтобы дать массѣ ясное пониманіе дѣйствительнаго положенія и дѣйствительныхъ нуждъ еврейскаго народа. Принципъ «особыхъ интересовъ» былъ провозглашенъ въ 1897-омъ году; 1901 годъ ознаменовался попыткою вложить въ этотъ принципъ нѣкоторое конкретное содержаніе, но съ такой вилой нерѣшительностью, съ такой анемической неполнотою, что принципиальная позиція Бунда, какъ національно-обособленной организаціи, ничего не выиграла, ни на йоту не упрочилась, и основной вопросъ о томъ, во имя чего же, наконецъ, должны быть выдѣлены въ особое замкнутое цѣлое силы еврейскаго пролетаріата, — остался открытымъ.

Прошло два года, и на II съѣздѣ Россійской партіи вопросъ этотъ былъ заданъ Бунду съ исчерпывающей рѣзкостью и прямою. Отвѣтъ Бунда извѣстенъ: онъ повернулся и ушелъ.

V.

Теперь Бундъ собирается обратно вступить или, быть можетъ, уже вступилъ въ Р. партію; такимъ образомъ, трехлѣтній періодъ бундовскаго изгнанничества отходить въ исторію, и мы съ тѣмъ большими правами можемъ вдуматься въ этотъ поучительный казусъ.

Въ такъ называемой большой публикѣ до сихъ поръ принято думать, что Бундъ развелся съ Р. партіей изъ за его національной программы: Р. партія молъ, ея не признала, высказалась противъ національно-„культурной“ автономіи, и Бунду пришлось или подчиниться, или уйти. — Всякій осведомленный человѣкъ, конечно, знаетъ, что это было совсѣмъ не такъ — вопросъ о національной программѣ не игралъ никакой роли въ столкновеніи, рѣчь шла только о національной организаціи еврейскаго пролетаріата. Бундовскіе ораторы въ дискуссіяхъ часто и настойчиво даже напирали на это обстоятельство, утверждая, что сіонисты напрасно раздуваютъ инцидентъ, на самомъ же дѣлѣ разрывъ произошелъ не по принципиальнымъ, а «только» по организаціоннымъ вопросамъ. Но въ томъ-то и суть, что въ данномъ случаѣ организаціонный вопросъ

былъ несравненно важнѣе программнаго, и разрывъ на этомъ пунктѣ неизмѣримо глубже. Въ вопросѣ о «культурной» автономіи можно не столковаться сегодня, но завтра другъ друга переубѣдить: стороны при этомъ взаимно откажутся отъ своихъ заблужденій, но ни одна при этомъ не вынуждена будетъ поступиться въ пользу другой своими реальными правами и интересами. Совсѣмъ другое дѣло организаціонный споръ. Бундъ требовалъ себѣ «единственнаго представительства», т. е. исключительнаго права автономно вести социаль-демократическую работу среди еврейскаго пролетаріата всей Россіи, безъ различія мѣстности; если не непосредственно, то въ конечномъ итогѣ это требованіе сводилось къ тому, чтобы органы Р. партіи, самостоятельно ведущіе работу въ еврейской массѣ на югѣ и во внутреннихъ губерніяхъ, мало по малу съ теченіемъ времени передали ее всю въ руки Бунда. Партія же требовала, наоборотъ, чтобы дѣятельность Бунда была ограничена рамками Литвы и Польши, безъ права работать въ остальной части Россіи, да и въ самомъ этомъ бундовскомъ районѣ партійные комитеты имѣли бы полное право вести самостоятельную массовую работу среди еврейскаго пролетаріата; въ конечномъ итогѣ это требованіе сводилось къ тому, чтобы мало по малу забрать себѣ всю еврейскую массу. Иными словами тутъ шла борьба за власть надъ еврейскимъ пролетаріатомъ. Бундъ хотѣлъ сосредоточить ее исключительно въ своихъ рукахъ и всецѣло вытѣснить партію изъ еврейской улицы, т. е. оставить ее при русскихъ рабочихъ; партія хотѣла сосредоточить эту власть непосредственно и исключительно въ своихъ рукахъ и всецѣло вытѣснить изъ еврейской улицы Бундъ, т. е. просто и просто, совершенно и окончательно уничтожить его. Бундъ это прекрасно понималъ (см. «Отчетъ делегаціи Бунда» стр. 13). Слѣдовательно споръ тутъ шелъ о самомъ что ни на есть краеугольномъ принципѣ: быть или не быть особой организаціи еврейскаго пролетаріата?

Только такъ былъ поставленъ вопросъ. Но подъ нимъ-то, конечно, и скрывался другой, еще болѣе основной: существуютъ ли такія специально-еврейскія задачи, которыя дѣлали бы необходимой особую организацію?

Бундовскій докладчикъ г. Либеръ попытался на съѣздѣ обосновать эту необходимость, но, по моему, насколько явствуетъ изъ стенографическаго отчета, неудовлетворительно. Гораздо болѣе удачную формулировку нашелъ я въ брошюрѣ «И. П. С.» о еврейскомъ

рабочемъ движеніи». Эта брошюра относится приблизительно къ тому-же времени, издава центральнымъ комитетомъ Бунда и кратко резюмируетъ, кажется, всѣ тогдашніе аргументы въ защиту бундовской организаціонной позиціи. Резюме это гласитъ такъ:

Еврейскій пролетаріатъ не составляетъ только „часть“ польско-литовскаго пролетаріата, но, какъ и пролетаріатъ другихъ національностей, онъ — *самостоятельный* членъ всемірной семьи пролетаріевъ, членъ, имѣющій свои индивидуальныя, исторически сложившіяся особенности. Онъ долженъ по своему вести борьбу за идеаль интернаціональнаго пролетаріата, за социализмъ. Еврейскій пролетаріатъ встрѣчаетъ въ своей классовой борьбѣ препятствія, которыхъ не знаетъ пролетаріатъ другихъ націй. Эти препятствія можетъ установить только самъ еврейскій пролетаріатъ, и въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ свои собственныя ближайшія историческія задачи. Чтобы разрѣшить эти задачи, еврейскій пролетаріатъ долженъ образовать отдѣльную революціонную организацію, сложиться въ самостоятельную политическую силу (стр. 8).

Такова была обычная бундовская мотивировка, съ которой еще до съѣзда были знакомы противники Бунда и съ которой они считались на съѣздѣ. И считались въ рѣзко отрицательномъ смыслѣ. Ихъ аргументація сводилась къ тому, что доводы Бунда совершенно не оправдываютъ организаціоннаго обособленія: если даже есть *особыя задачи* вродѣ равноправія или, наконецъ, «культурныхъ» *правъ*, то *вѣдь* еврейскій пролетаріатъ ничего не добьется безъ *поддержки* русскаго, — а для того, чтобы обезпечить эту поддержку, надо *именно* сдѣлаться съ русскимъ пролетаріатомъ, и т. д. Привести всѣ характерныя цитаты изъ рречій значило бы перепечатать нѣсколько страницъ мелкой печати; я даю здѣсь только нѣкоторыя:

Изъ рречи делегата Руссова:

Въ рречи товарища докладчика промелькнула другая принципиальная причина существованія особой организаціи еврейскаго пролетаріата. Онъ все время говорилъ о Бундѣ, какъ о представителѣ еврейскаго пролетаріата въ Партіи. Такое особое представительство имѣло бы смыслъ, если бы мы допустили мысль, что интересы еврейскаго пролетаріата, хотя бы въ одномъ пунктѣ, протлворѣчаютъ интересамъ пролетаріевъ другихъ національностей Россіи *).

Изъ рречи делегата Бекова:

Здѣсь приводилось соображеніе, что основаніемъ отдѣльнаго существованія Бунда, какъ національной организаціи, явля-

*) Стенографическій протоколъ II съѣзда Р. С.-Д. Р. П. стр. 67.

ется: 1) различіе соотношенія общественныхъ силъ и 2) различіе правовыхъ условій. На первомъ соображеніи Либеръ не останавливался, онъ указалъ только на отсутствіе среди евреевъ крестьянства и дворянства. Но какъ отсюда перейти къ существованію особой національной организаціи? На 2-ое соображеніе достаточно возражали вчера. Напомню только, что всякая социаль-демократія борется противъ всякаго гнета, то же, слѣдовательно, дѣлаетъ и Россійская социаль-демократія *).

Эта мысль дополняется въ рѣчи делегата Ленина:

Недовѣріе сквозитъ во всѣхъ предложеніяхъ и во всѣхъ разсужденіяхъ бундовцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напримѣръ, борьба за полную равноправность и даже за признаніе права націи на самоопредѣленіе не составляетъ обязанности всей нашей Партіи? Слѣдовательно... *1)

Изъ рѣчи делегата Егоровъ:

Правда, вы не выдвигаете здѣсь сохраненія національности, какъ принципъ, но, можетъ быть, потому, что вы вообще не дали намъ никакихъ принципиальныхъ соображеній. Ваша ссылка на особую группировку общественныхъ силъ не даетъ никакого права на особое существованіе. Будда *).

Въ особенности этотъ послѣдній отрывокъ даетъ какъ бы резюмѣ главному аргументу антибундовскаго большинства: «вы не дали намъ никакихъ принципиальныхъ соображеній». Послѣ двухлѣтней полемики въ печати, послѣ доклада и бундовскихъ рѣчей на самомъ съѣздѣ, противники всегди не знаютъ, ради чего бундовцамъ нужна особая организація. Имъ до сихъ поръ не сумѣли это объяснить. И къ этому и сводится вся ситуація съѣзда. Партія спрашиваетъ: можете ли вы, наконецъ, дать намъ ясный и вполне удовлетворяющій отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается эти абсолютно особые интересы еврейскаго пролетаріата, ибо только наличность абсолютно-особыхъ задачъ оправдываетъ организаціонное обособленіе на одной и той же территоріи? — Бундъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ молчаніемъ. Партія говоритъ: въ такомъ случаѣ или откажитесь отъ принципа особой организаціи, или уйдите. — Бундъ отвѣчаетъ на это выходомъ изъ партіи.

Почему Бундъ не отвѣтилъ и не могъ отвѣтить на первый вопросъ, это для насъ уже ясно: единственнымъ удовлетворяющимъ

*) Тамъ же, стр. 81.

*.) Стр. 91—92.

*.) Стр. 96.

отвѣтомъ былъ бы тотъ, противъ котораго Бундъ всѣми силами боролся. Но почему Бундъ не сдался и предпочелъ уйти?

Ясно даже а priori, что Бунду очень должно было не хотѣться уходить. Дорожа больше всего на свѣтѣ своимъ престижемъ у еврейской рабочей среды, руководители Бунда не могли не опасаться, что разрывъ съ партіей поколеблетъ ихъ престижъ. Споря съ сіонистами, которые «пытались посягнуть на доверіе между еврейскимъ и русскимъ пролетаріатомъ», бундовскіе вожаки утверждали, что именно въ лонѣ русской социаль-демократіи встрѣтить еврейскій рабочій полное признаніе всѣхъ своихъ потребностей. Разрывъ съ партіей неминуемо долженъ былъ поставитъ предъ массою, которая всегда судитъ съ дѣтской прямолинейностью, слѣдующій вопросъ: одно изъ двухъ—или русская социаль-демократія вовсе не намѣрена считаться съ нашими потребностями, или наши руководители неправильно толкуютъ наши потребности. И тотъ, и другой выводъ одинаково непріятно долженъ былъ рисоваться бундовскому самолюбію. И всякій, кому хоть по наслышкѣ знакомы совершенно исключительные размѣры этого поистинѣ огромнѣйшаго изъ всѣхъ партійныхъ самолюбій, легко можетъ себѣ представить, до чего предводителямъ Бунда хотѣлось сохранить хотя бы самый худой миръ съ партіей. Въ дѣйствительности это настроеніе выразилось въ такихъ формахъ, которыя говорятъ о прямо-таки страстномъ желаніи поладить, о прямо-таки паническомъ страхѣ предъ разрывомъ. Делегация Бунда ради сохраненія мира три раза рискнула нарушить свои полномочія — и это при знаменитой бундовской дисциплинѣ! Но лучше всего будетъ напомнить читателю собственный рассказъ этой делегаціи о ея грѣхопаденіяхъ.

Первое грѣхопаденіе:

...Этимъ рѣшеніемъ мы, конечно, нарушили волю нашего съѣзда, поручившаго намъ защищать проектъ устава въ цѣломъ, но мы считали необходимымъ сдѣлать все возможное для предупрежденія разрыва и уступать до послѣдней возможности *).

Второе:

Въ виду крайне враждебнаго настроенія противъ Бунда, обнаруживающагося во время дебатовъ по поводу нашего проекта, мы рѣшили сдѣлать дальнѣйшую уступку. Мы рѣшили...

*) Отчетъ делегаціи Бунда о II съѣздѣ Р. П., стр. 7.

вторично нарушить полномочія съѣзда, предъявивъ только нѣкоторые пункты ультиматума *).

Третье :

...Послѣ принятія резолюціи Мартова мы, на основаніи полученныхъ нами отъ нашего съѣзда полномочій, должны были объявить, что Бундъ выходитъ изъ Партіи... Мы рѣшили въ третій разъ нарушить полномочія нашего съѣзда и ждать, пока... **).

Комментаріи излишни. Но почему же Бундъ все-таки ушелъ? Для насъ, сіонистовъ, *этотъ* вопросъ былъ еще важнѣе, чѣмъ для Бунда. Можно смѣло сказать, что духъ сіонизма виталъ въ этотъ день надъ собраніемъ и тревожно ждалъ исхода борьбы — не борьбы между Бундомъ и партіей, а внутренней борьбы въ душѣ бундовскихъ представителей между разрывомъ и капитуляціей. Ибо одно мы, сіонисты, всегда признавали за Бундомъ: это — кровную, коренную, тѣсную связь съ еврейской рабочей массой. И мы хорошо знали, что если Бундъ не всегда правильно руководитъ ею, зато онъ всегда въ основныхъ чертахъ вѣрно отражаетъ ее. Вотъ почему для насъ былъ такъ важенъ отвѣтъ Бунда на вопросъ, быть или не быть еврейской рабочей организаціи: въ отвѣтѣ Бунда косвенно долженъ былъ прозвучать отвѣтъ самой еврейской массы. Мы прекрасно понимали, что въ немедленномъ опредѣленіи конкретнаго содержанія своихъ особыхъ національных задачъ эта масса, поглощенная повседневными трудностями, пока еще не такъ остро нуждается; но осознать ли она самое присутствіе, самую наличность этихъ неопредѣленныхъ задачъ хотя бы настолько, чтобы явственно ощущать полную невозможность, недопустимость безраздѣльнаго растворенія въ чуждой организаціи? *Это* было для насъ главное. Мы вѣрили въ то, что еврейство, отъ верху до низу, инстинктивно стремится къ выдѣленію и слоченію своихъ силъ для національной самостоятельности, и Бундъ, съ противоположной окраины народа, долженъ былъ теперь намъ показать, не обманула ли насъ эта вѣра, не явилась ли наша идея, занесенная въ этотъ лагерь авторомъ «Поворотнаго пункта», только мимолетной aberrацией интеллигентскаго ума вожаковъ, чуждой и ненужной для массы?

Бундъ не умѣлъ отвѣтить, во имя чего онъ уходитъ, но онъ ушелъ. Это сохранило его партійную индивидуальность. Бундовцы

*; Тамъ же, стр. 15.

**.) Тамъ же, стр. 23

до сихъ поръ искренно вѣрятъ, будто сіонисты издавна желали исчезновенія Бунда. Въ настоящій моментъ оно безспорно такъ: теперь у Бунда есть готовые, болѣе или менѣе подходящіе социаль-сіонистическіе послѣдники, и мы считаемъ весьма необходимымъ, чтобы онъ сошелъ со сцены и уступилъ имъ мѣсто. Но въ 1903 году никто на свѣтѣ не былъ такъ радъ тому, что Бундъ не сдался и сохранилъ свою самостоятельность, — какъ мы, буржуазные сіонисты.

И мы были правы. Дѣйствительно, разрывъ повлекъ за собой важныя послѣдствія. Рыхло изъ партіи былъ новой манифестаціей во славу принципа, который впервые былъ провозглашенъ въ 1897 году фактомъ учрежденія Бунда — принципа особенности интересовъ еврейскаго пролетаріата, и повторное провозглашеніе этого принципа, какъ и самый шумъ, поднятый вокругъ спора о національной организаціи, не пришли безцѣльно для сознанія массы. Сколько ни старались вожаки Бунда воздерживаться отъ «раздуванія» національныхъ моментовъ, все эти событія говорили за себя громче всякой агитаціи. Съ непреодолимою силой они привлекли вниманіе рабочихъ къ основному вопросу — о специфическихъ особенностяхъ положенія еврейскаго пролетаріата и о задачахъ, отсюда вытекающихъ. Потребность уяснить себѣ весь вопросъ до конца, поставить точку надъ і — и тогда еще не стала, быть можетъ, насущной и осязательной для всей рабочей массы, но всетаки охватила гораздо болѣе широкіе и глубокіе слои, чѣмъ прежде.

Объективная логика развитія Бунда въ неизмѣримой степени усилила интересъ къ попыткамъ истерпать, наконецъ, цѣликомъ и безъ утайки загадочное содержаніе «особыхъ интересовъ», — субъективные тенденціи вожаковъ Бунда не позволили ему дать этотъ истерпывающій отвѣтъ. Изъ такого противорѣчія могъ получиться только одинъ естественный результатъ, и онъ дѣйствительно получился: со второй половины 1903 г. начинается усиленный ростъ рабочаго сіонизма.

Бундовскіе публицисты до сихъ поръ стоятъ на той общественной точкѣ зрѣнія, что пролетарскій сіонизмъ есть исключительно, такъ сказать, плодъ преступной пропаганды: пришли буржуазные сіонисты, надѣли «маску», «насадили группки» и т. д. На самомъ дѣлѣ все это произошло, конечно, иначе. Попытки «насадить» рабочій сіонизмъ сверху были, но онъ всегда кончался неудачей, а возникъ онъ снизу. Абсолютнаго самозарожденія въ социальной области, конечно, не бываетъ, и я въ началѣ этого очерка уже говорилъ о томъ, что массы не создаютъ идей, а только воспринимаютъ.

ють и приспособляють ихъ. Но этотъ процессъ воспріятія и приспособленія совершается не посредствомъ искусственной прививки, а путемъ самостоятельной инициативы снизу, вѣриѣ — путемъ множества инициативъ, множества разрозненныхъ попытокъ изъ среды самой массы. Въ этомъ смыслѣ крупныя народныя движенія дѣйствительно самозарождаются; въ этомъ смыслѣ самозародится и рабочий сіонизмъ. Сіонистическая редакція, въ которой я работалъ въ 1904 году, получала изъ разныхъ концовъ въ несмѣтномъ числѣ неграмотно и коряво написанныя жалобы на то, что есть рабочая группа, но нѣтъ ни руководителя, ни брошюръ, и нельзя ли написать «студента». Безъ интеллигенціи, безъ литературы, окруженный сильными противниками, въ атмосферѣ постоянныхъ дискуссій, рабочий сіонизмъ оцѣню пробивалъ себѣ дорогу, оцѣню искалъ своихъ теоретиковъ, оцѣню вырабатывалъ и развивалъ свою тактику.

Въ началѣ этого столѣтія, когда вожаки Бунда открыли свою кампанію противъ сіонизма, онъ совершенно не имѣлъ сторонниковъ среди рабочей массы; въ началѣ 1905 года была учреждена „Сіонистско-Соціалистическая Рабочая Партія“, которую можно оцѣнивать и такъ и этакъ, но быстрого роста которой нельзя отрицать. При этомъ особенно характерно именно то, что она выставила лозунгъ территориализма: лозунгъ этотъ, наглядно говорившій о необходимости разрыва съ голусомъ сейчасъ же, сію минуту, представлялъ изъ себя въ сущности еще болѣе рѣзкое отрицаніе бундовской „любви къ отечеству“, чѣмъ не столь торопливый палестинскій сіонизмъ. Руководители Бунда оказали бы самымъ себѣ огромную услугу въ смыслѣ уясненія собственной исторической роли, если бы они попытались объективно оцѣнить и понять этотъ яркій результатъ ихъ долготѣней и отчаянной кампаніи.

Авторъ не принадлежитъ къ сторонникамъ прелетарскаго сіонизма и далеко не переоцѣниваетъ ту пользу, какую можетъ еврейская рабочая масса принести развитію сіонистическаго движенія или осуществленію конечной его цѣли. Но и при самомъ сдержанномъ отношеніи къ рабочему сіонизму только изъ слѣпоты или изъ упорства можно не видѣть, что его породила сама логика событій.

Выходъ Бунда изъ Россійской партіи былъ только послѣднимъ звеномъ въ этой логической цѣпи: первымъ звеномъ было появленіе самого Бунда. Эволюція Бунда привела еврейское рабочее движеніе къ тому самому руслу, изъ котораго она за десять лѣтъ до того почерпнула свое начало.

VII.

Бундъ, какъ національная партія, взялъ на себя задачу искорененія сionизма; жизнь его же руками создала обратный результатъ. Бунду выпалъ удѣлъ, вообще нерѣдко достающійся на долю политическимъ партіямъ,—развиваться въ субъективномъ антагонизмѣ съ объективными тенденціями собственнаго развитія, идти на буксирѣ у собственной судьбы нехотя и упираясь. Повторяю, такой удѣлъ нерѣдко выпадаетъ политическимъ партіямъ, и не одной изъ нихъ приходилось въ концѣ своей дѣятельности убѣдиться, что она все время работала въ сущности на тѣхъ, съ кѣмъ хотѣла бороться. Это, собственно говоря, неизбежная судьба вѣсѣхъ не-революціонныхъ партій—понимая революцію не въ смыслѣ насильственнаго переворота, а вообще въ смыслѣ полнаго искорененія самой перпоосновы даннаго соціального зла. Партіи, по-стремляющіяся къ этому устраненію вредоноснаго корня, согласныя удовлетвориться въ данной области частичными поправками, такіа партіи полумѣръ и полдороги всегда роковымъ образомъ впадаютъ въ противорѣчіе съ собственными наміреніями. И это внутреннее противорѣчіе налагаетъ на все ихъ развитіе особый болѣзненный стпечатокъ. Такъ какъ истиннымъ рѣшеніемъ вопроса можетъ быть только революціонное рѣшеніе, имъ приходится инстинктивно бояться полной правды, и это не-дастъ имъ развиваться полнокровно и свободно. Это заставляетъ ихъ слѣживаться, сокращаться, избѣгать углубленія въ вопросы, уклоняться отъ точекъ надъ і—изъ безсознательнаго опасенія проговориться, опровергнуть самихъ себя, наскочить на опасный выводъ. Боязнь правды неминуемо порождаетъ духовное безплодіе. И во всей исторіи народныхъ движеній, быть можетъ, не найдется болѣе яркаго примѣра этого безплодіа, чѣмъ примѣръ Бунда.

Въ національномъ отношеніи Бундъ не можетъ быть признанъ революціонной партіей. Наоборотъ. Первоосновой *специфическихъ* страданій еврейскаго народа является его экстерриторіальность—этого до сихъ поръ не отрицалъ, кажется, никто на свѣтѣ. Поэтому единственнымъ путемъ для *кореннаго* уничтоженія этихъ специфическихъ страданій логически представляется террриторіализація еврейства. Можно считать ее избыточной, это другое дѣло,—по принципиально въ этомъ отвѣтъ и только въ немъ содержится полное, т. е. революціонное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Еще, пожалуй, нѣкоторое подобіе вѣншей революціонности заключается въ

обратномъ отвѣтъ ассимилятора: уничтоженіе самого еврейства. Бундовскій путь есть безспорно путь принципиальнаго, заведомаго компромиса. Было время, когда Бундъ это отрицалъ, когда ораторы его провозглашали, что породоному народу вообще не нужна территория, что надо экстерриториализовать всѣ націи на свѣтѣ и ради одной безхвостой лисички обрубить хвосты всему звѣриному царству. Въ этомъ была хоть революціонность краснаго слова: видно было желаніе выдержать стиль, сохранить революціонную щеголеватость съ ногъ до головы, замазать оппортунистическую прорѣху красными чернилами. Теперь Бундъ, очевидно, больше на этомъ не настаиваетъ: его публицисты открыто признають себя оппортунистами въ національномъ вопросѣ *). Это уже звучитъ нѣкотораго рода политическимъ цинизмомъ, безспорно, по моему, знаменующимъ упадокъ внутреннего напоя въ партіи, зарожденіе характерной для опустившагося джентльмена неряшливости, пониженіе требовательности къ самимъ себѣ. Но, какъ бы то ни было, самъ Бундъ признаетъ себя не-революционнымъ въ области національнаго вопроса. Намъ остается только прибавить: *весьма* не-революционнымъ, быть можетъ даже скорѣе анти-революционнымъ. Но надо вспомнить, для *какого* зла предлагалъ Бундъ свои подумы. У человѣчества есть вопросы куда важнѣе еврейскаго, потому что еврейскій вопросъ касается горсти въ 10 милліоновъ душъ; но въ исторіи нѣтъ вопроса болѣе мучительнаго, связаннаго съ большимъ количествомъ несчастныхъ человѣческихъ страданій. На *такой* вопросъ дать такой игрушечный отвѣтъ, какой выдвинуть Бундомъ (автономія школъ), да еще и надъ этимъ жалкимъ рецентомъ малодушно растянуть густое покрывало замалчиванія,—это значило проявить верхъ, апогей, удесятеренную степень не-революционности. Вотъ почему та печать духовнаго безплодія, которая ложится неминуемо на всѣ партіи полдороги, идеятеро ярче выражена въ Бундѣ.

Стало ходячей истиной, что Бундъ не создатель теоретиковъ. Г-нъ К. К. въ № 4 заграничной «Зари», въ общемъ очень благосклонный къ Бунду критикъ, объяснилъ эту черту недостаточной подготовленностью бундовскихъ руководителей. Я полагаю, что это не объясненіе. Уровень еврейской революціонерской учености вообще по Богъ вѣсть какъ высокъ, почти все стряпается домашними средствами, да оно и не могло быть иначе по всѣмъ условіямъ русско-

*) „Наше Слово“, 7, ст. г. Гейликмана, стр 19—20.

еврейскаго быта. Но въ предѣлахъ этого общаго уровня вожаки Бунда врядь-ли много уступаютъ въ начитанности, интеллигентности и даровитостисвоимъ противникамъ изъ лагеря с. с., поалэ-Ціонъ и сеймовцевъ. Во всякомъ случаѣ не въ этомъ пунктѣ лежитъ разгадка той странности, что при сравненіи литературы Бунда съ гораздо болѣе ~~мной~~ литературой рабочаго сіонизма буквально поражаетъ культурное превосходство послѣдняго въ разнообразіи и выборѣ темъ, въ использованіи источниковъ, въ смѣлости анализа и обобщенія. Настоящій ученый, вѣроятно, призналъ бы многое въ теоретическомъ матеріалѣ пролетарскаго сіонизма незрѣлымъ и неустойчивымъ, но не могъ бы не одѣнать по достоинству тотъ испытующій духъ изслѣдованія, углубленія, освѣщенія запутанной еврейской дѣйствительности, который повелъ къ созданію всего этого матеріала. И вовсе не въ какой-то случайно большей подготовленности, а именно въ этомъ испытующемъ духѣ, въ этой жаднѣ правды до конца лежатъ причина разницы между культурно-теоретическимъ уровнемъ Бунда и его соперниковъ. Имя правда нужна, Бунду она неудобна; они поэтому инстинктивно тянутся къ ней, роются и копаются въ фактахъ и цифрахъ еврейской уличной, обнажаютъ и подчеркиваютъ всѣ ея раны и трещины, — Бундъ молчитъ и инстинктивно сторонится отъ изученія реальной жизни. Его литература носитъ исключительно политическій и социалистическій характеръ, т. е. перескакиваетъ въ доступной формѣ заграничные и русскіе шаблоны, бесспорно полезные, но ничуть не самостоятельные. Самостоятельно-творческихъ попытокъ у Бунда не было и нѣтъ. Онъ—единственная изъ социалистическихъ партій міра, не ударившая пальцемъ о палецъ ни для изученія социально-хозяйственной среды, въ которой вращается руководимый ею пролетаріатъ, ни даже для выясненія элементарной статистики и динамики этого пролетаріата—его профессиональнаго состава, его численности, его передвиженій. Потому что изученіе ведетъ къ познанію горькой истины, потому что теоретизированіе по самой природѣ своей требуетъ безпредѣльной логической свободы, полнаго права доходить отъ первыхъ посылокъ до послѣднихъ выводовъ. Этой свободы, этого права Бундъ не давалъ; страстное желаніе во что бы то ни стало избѣжать сіонистическаго отвѣта уродовало его мысль; надъ его публицистами тяготѣлъ постоянный запретъ—граница, дальше которой не позволено идти и къ которой даже не велѣно приближаться; садясь за письменный столъ, они имѣли предъ собою наказъ лавировать отселева доселева, фхатъ и

не доѣзжать. Имъ нельзя было изслѣдовать, имъ необходимо было замалчивать.

И они замалчивали все, въ чемъ только была правда. Еще на IV съѣздѣ въ 1901 году Бундъ принялъ резолюцію объ осторожномъ отношеніи къ экономическимъ стачкамъ: уже тогда стало понятно, что еврейское хозяйство не даетъ простора для классовой борьбы, что еврейскій рабочій долженъ считаться не съ собственными силами, а съ платежеспособностью своего эксплуататора. Но гдѣ-же выводы изъ этого наблюденія, въ сущности вскрывшаго одинъ изъ основныхъ признаковъ еврейской ненормальности? Ихъ замолчали.—Въ томъ самомъ Бѣлостоцкѣ, гдѣ въ послѣдствіи при участіи арійскаго пролетаріата разразился звѣрскій погромъ, уже давно происходили столкновенія между еврейскими и нееврейскими рабочими на почвѣ вытѣсненія евреевъ; въ самой бундовской литературѣ проскальзываютъ неоднократно упоминанія о подобныхъ фактахъ, но гдѣ выводы? Ихъ замолчали, какъ замалчивали антисемитизмъ, какъ замалчивали все, что вело къ углубленію еврейскаго вопроса.—И, наконецъ, замалчивали эмиграцію. Партія, блюдущая все интересы еврейскаго пролетаріата, игнорировала массовое бѣгство еврейскихъ ремесленниковъ и чернорабочихъ; партія, молящаяся богамъ историческаго матеріализма, который подчиняетъ политическіе моменты экономическимъ, отдѣлывалась упованіемъ на то, что русская революція уничтожитъ эмиграцію; партія, санкціонирующая областныя и національныя различія вплоть до признанія федераціи, видѣла рѣшеніе вопроса въ отысканіи черты осѣдлости, не замѣчая, что это есть опять таки право на эмиграцію въ чуждую среду, т. е. *status quo ante*. Это былъ систематическій и развязный обходъ всехъ серьезныхъ вопросовъ, необходимыхъ для выясненія еврейской дѣйствительности,—настоящій, безпримѣрный и непростительный культъ народной темноты и неосознанности именно въ томъ отношеніи, въ которомъ особенно важно было достигнуть полной ясности.

Но въ сокровищницѣ бундовскаго творчества есть пункты еще менѣе похвальные, чѣмъ простое замалчиваніе правды. На попытки анализа еврейской экономики со стороны социаль-сіонистовъ Бундъ не преминулъ отозваться нѣсколькими брошюрами опровержительнаго характера. Я не займусь разборомъ всехъ этихъ сочиненій вроде «*Poale-Zion un seiere teories*» (г. Лону), „Мелко-буржуазнаго социализма“, «Соціалстическихъ фракцій въ сіонизмѣ» и т. п.—предоставляю это развлеченіе тѣмъ, до кого они прямо касаются;

скажу только мимоходомъ, что эти статьи не могут претендовать на роль «ислѣдованій», да врядъ-ли сами бундовцы приписываютъ имъ эту роль. Въ нихъ не только нѣтъ самостоятельныхъ выводовъ и свѣжаго матеріала—въ нихъ даже нѣтъ субъективныхъ моментовъ настоящаго изслѣдованія, нѣтъ осторожности, вдумчивости, нѣтъ исканія—ничего, кромѣ опроверженій. Такъ и чувствуется, что авторы считаютъ своей задачей только разбить чужіе выводы, но ничуть не пекутся о собственной серьезной разработкѣ вопроса. И благодаря этой исключительной тенденціи—опровергнуть и больше ничего, эта серія бундовской литературы вся получила какой-то сплошной, неумѣренный, до непристойности, до безвкусіи оптимистическій тонъ. Я считаю еврейскую экономику еще не изслѣдованной и готовъ предположить, что въ анализѣ социаль-сіонистовъ возможны преувеличенія по части черныхъ красокъ. Но вѣдь это далеко не то самое, что пересаливать въ сторону розовыхъ перспективъ. Между тѣмъ у бундовскихъ полемистовъ даже нѣтъ пересола—у нихъ просто и только одно безпримѣсное лякваніе и славословіе. Пройдетъ революція, будетъ все хорошо, антисемитизмъ ступаетъ *), вытѣсненіе прекратится, «еврейскій ремесленникъ и лавочникъ сможетъ чувствовать себя совсѣмъ недурно» **); — да и теперь въ сущности вовсе не такъ плохо—еврейскій капиталъ помаленьку растетъ ***), еврейскій пролетаріатъ неминуемо занимаетъ сытныя позиціи ****) — словомъ, на Шипкѣ все спокойно...

Повторяю, можно было признать выводы социаль-сіонистовъ неосторожными, поспѣшными, неprovѣренными, и предпринять болѣе основательное изслѣдованіе нашего народнаго положенія. Но сулить голоднымъ людямъ золотыя горы, обѣщать имъ чуть-ли не полный рай, усмплать въ нихъ всякую пытливость перелъ вопросами антисемитизма, вытѣсненія и т. п. — вопросами, во всякомъ случаѣ, великой сложности, съ которыми только верхоглядство можетъ начисто раздѣлаться однимъ кляксомъ, однимъ „опроверженіемъ“, — проповѣдывать темной массѣ отказъ отъ всякихъ сомнѣній и полную вѣру въ добраго сосѣда,—вѣдь на все это надо имѣть нравственное право. Если мы, сіонисты, даже преувеличивали бы въ нашемъ пессимизмѣ, то вѣдь мы опираемся на опытъ страдальческихъ тысячелѣ-

*) Kleinbirgerlicher Sozialismus стр. 16.

**) Соц. фракціи въ сіонизмѣ, стр. 115.

***) Kl. Soz., стр. 11.

****) Там-же, passim; «Соц. фр », passim.

тій, на примѣры нынѣшней Галиціи, Франціи, Германіи; мы, наконецъ, зовемъ народъ къ осторожности, къ самоопредѣленію—все это принесетъ ему пользу, даже если мы окажемся неправы. Но во имя какихъ примѣровъ, въ силу чьего опыта, на основаніи какихъ данныхъ предсказываютъ эти люди еврейскому народу никогда еще невиданныя блага? По какому праву ручаются они ему за прекращеніе травли и вражды, призывая тѣмъ самымъ къ національному разоруженію, чтобы завтра новая буря захватила насъ беззащитными и неготовыми? Прежде чѣмъ рѣшиться на одну сотую долю тѣхъ обѣщаній, которыми эти пастыри обольщаютъ измученную народную массу, надо было создать науку вопроса, разработать истинные источники, найти въ глубинѣ исторіи строго-проверенныя аналогіи,—надо было пережить надъ этой проблемой все муки испытующей совѣсти, въ тишинѣ работать десятки лѣтъ, прежде чѣмъ выйти на улицу съ радостной вѣстью о близкомъ принествіи мира на землю. Гдѣ это все? Гдѣ слѣды хоть легкаго колебанія передъ тѣмъ, какъ эти господа на тысячу ладовъ заплели свою лживую пѣсню, которую талантливый варшавскій памфлетъ такъ мѣтко и убійственно заклеили ея настоящимъ названіемъ—Маюфесъ?

Мы, сіонисты, тоже обѣщаемъ еврейскому народу лучшую жизнь, но мы ставимъ это въ зависимость отъ его собственной воли. «Wenn i h r wollt, ist das kein Märchen». Эти-же люди хорошо знаютъ, что въ ихъ розовой перспективѣ рѣшающая роль принадлежитъ чужой, внѣеврейской волѣ, волѣ голя и волѣ голуса,—и *за нее* даютъ они ручательство, отъ *ея* имени даютъ обѣщанія. Пусть мнѣ простятъ рѣзкость моихъ выраженій, но во всемъ этомъ не чувствуется ни добросовѣстнаго отношенія къ слову, ни честнаго отношенія къ народному горю—ничего, кромѣ ослѣвляющаго паническаго ужаса передъ голою правдой.

Заграницей, когда партія теряетъ подъ собой идейную почву, она начинаетъ подкупать своихъ избирателей. Съ каждымъ днемъ все больше и больше Бундъ становится на эту дорогу. Все положительное, что было на его знамени, въ болѣе полной формѣ вошло въ лозунги его новыхъ соперниковъ: они его включаютъ, и тѣмъ самымъ они исключаютъ его. Подкупъ, подкупъ не деньгами, а посулами сталъ для него теперь единственнымъ средствомъ борьбы. Кромѣ обѣщаній, онъ ничего, ни одного положительнаго момента не можетъ выдвинуть противъ сіонизма. Бундъ, какъ таковой, изжилъ свои положительныя цѣнности. Малѣйшій его шагъ впередъ будетъ

теперь уже явной капитуляціей передъ той или иной изъ вѣтвей рабочаго сіонизма, будетъ отрицаніемъ Бунда. Оставаясь самымъ собою, Бундъ обреченъ на застой, ему больше нечѣмъ жить, не во что развиваться.

Это, конечно, не значитъ, что Бундъ распадется на-дняхъ. Бундъ еще можетъ бодро простоять цѣлый десятокъ лѣтъ и даже выдержать при этомъ два-три неизбежныхъ кризиса безъ вреда для своей цѣлости. Ему отчасти полезно время, въ которое мы живемъ. Оно не даетъ сосредоточиваться, не даетъ донскиваться полныхъ отвѣтовъ и послѣднихъ рѣшеній. Оно благопріятствуетъ партіямъ съ расплывчатыми программами, включающими все и не заключающими ничъго. Таковы кадеты, таковы и Бундъ. Кадетамъ еще долго обезпеченъ успѣхъ, потому что они сумѣли выхватить изъ общественнаго настроенія всѣ главные лозунги, «смѣло» выдвинувъ совершенно безспорные и ловко «смягчивъ» тѣ, отъ которыхъ еще все-таки могло покорибить людей изъ вліятельнаго меньшинства. И потому за ними идутъ всѣ, кому неохота продумать вопросы до конца, а такихъ теперь много. Сила Бунда въ томъ же секретѣ: онъ даетъ все — тѣмъ, кому многого не нужно. Кто изъ еврейской молодежи теперь не социалистъ и не націоналистъ? Рѣшить національную проблему кореннымъ образомъ, безпощадно и безповоротно разорвать старыя иллюзіи и симпатіи — на это не всякій готовъ, да и время не подходящее для рѣшенія спорныхъ проблемъ. И люди идутъ къ Бунду именно потому, что въ этомъ спорномъ вопросѣ онъ васъ ни къ чему не обязываетъ, ни отъ чего не отрываетъ, — идутъ и еще будутъ идти, и не разъ еще дадутъ Бунду количественную силу. Но уже внутренней силы, идейнаго паюса они Бунду не дадутъ, и первое мѣсто на еврейской политической аренѣ уйдетъ отъ него навсегда. А въ моментъ, когда російская жизнь вернется въ колею, и наступитъ ликвидація русекихъ кадетовъ, и другія партіи, партіи полнаго отвѣта, раздѣлять между собою послѣдніе остатки кадетской рати, — та же судьба совершится и надъ кадетами еврейскаго пролетаріата.

Я говорю объ этомъ довольно безстрастно. Я не увижу въ этомъ ни проигрыша, ни большого выигрыша. Какъ національная партія, Бундъ уже сдѣлалъ свое дѣло: новаго слова онъ не принесъ — кромѣ сіонистическаго лозунга авто-эмансипаціи — духу народа, въ смыслѣ идейнаго творчества, ничего не далъ и не оставилъ, — но въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ политической активности и физиче-

скаго мужества, онъ несомнѣнно поднялъ «духъ» еврейской рабочей массы и чрезъ нее всего народа, и записалъ этимъ въ нашей исторіи блестящія страницы героизма, предъ которыми безумно было бы не преклониться съ уваженіемъ и благодарностью. Но это уже сдѣлано; больше у Бунда ничего нѣтъ за душой, и въ немъ больше нѣтъ никакой социальной надобности.

Съ другой стороны и выигрыша не надо переоценивать, если даже учесть ту вѣроятность, что къ тому времени социаль-сіонистическія партіи примутъ болѣе зрѣлую форму, нежели теперь.

День, когда еврейскій пролетаріатъ цѣликомъ примкнетъ къ сіонизму, будетъ имѣть для насъ, конечно, большое моральное значеніе; но до сихъ поръ еще открытымъ остается вопросъ, въ какой мѣрѣ этотъ слой еврейскаго народа располагаетъ тѣми реальными силами, которыя нужны для активнаго участія въ созданіи еврейскаго общества; что же касается до пассивнаго участія—въ качествѣ эмиграціоннаго матеріала для заселенія уже готовыхъ позицій,—то для этой цѣли въ почти не меньшей степени пригодился бы, подъ давленіемъ чисто-матеріальныхъ стимуловъ, и не-сіонистическій, и даже антисіонистическій пролетаріатъ. Можно, конечно, не безъ основанія рассчитывать на повышенную жертвенность этого класса, которая дастъ намъ піонеровъ, но, во всякомъ случаѣ, все это еще гадательно. И если насъ все таки радуетъ перспектива конечной сіонизаціи еврейской рабочей массы, то не столько ради практическихъ выгодъ сіонизма, сколько ради самой этой массы. Авторъ «Поворотнаго пункта» когда-то сказалъ: „Рабочій классъ, который мирится съ долею низшаго племени, не возстанетъ и противъ доли низшаго класса“. Наше сомнѣніе въ реальномъ вѣсѣ еврейскаго пролетаріата не мѣшаетъ намъ цѣнить его боевой духъ, и въ силу этого чувства мы дѣйствительно вѣримъ, что, наоборотъ, рабочій классъ, который возсталъ противъ доли низшаго класса, не примирится и съ долей низшаго племени.

VIII.

Въ началѣ этого очерка я привелъ бундовскій афоризмъ о томъ, что сіонизмъ и Бундъ порождены одними и тѣми же причинами, и замѣтилъ, что я нахожу эту формулировку неправильной. Я полагаю, что родственная связь между обоими теченіями должна быть опредѣлена иначе.

Эволюція данної партіи єсть еволюція данної ідеї. Що же это была за идея, которая объективно эволюционировала подъ формами эволюціи Бунда?

Отдѣльный человѣкъ можетъ иногда усвоить опредѣленный идеаль сразу, въ одинъ пріемъ. Массы на это по самой своей природѣ неспособны. Правда, идеаль иногда можетъ издалика очаровать ихъ фантазію, по лишь какъ безплодная и безплотная мечта, совершенно не связанная съ жизнью. Активная связь между массами и идеаломъ возможна только тогда, когда массы постепенно подготовлены къ его полному воспріятію. Эта постепенная подготовка носитъ, такъ сказать, соціально-педагогическій характеръ: она осуществляется въ формѣ послѣдовательныхъ этаповъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ значеніе нагляднаго урока и наглядно вводитъ въ сознаніе массъ основные элементы идеала. Жизнь при этомъ поступаетъ, какъ опытный педагогъ или пропагандистъ: она располагаетъ эти элементы идеала въ строго-цѣлесообразномъ нарастающемъ порядкѣ, переходя отъ простѣйшихъ ко все болѣе сложнымъ.

Какъ долженъ былъ бы поступить опытный педагогъ или пропагандистъ, если бы хотѣлъ постепенно ввести въ сознаніе своей неподготовленной аудиторіи идею сіонизма? Онъ долженъ былъ бы распредѣлить свой матеріаль на нѣсколько уроковъ. Первый урокъ онъ долженъ былъ бы посвятить предварительной подготовкѣ слушателей къ самому трактованію вопроса: онъ предложилъ бы имъ усвоить прежде всего необходимость самодѣтельности, т. е. выдѣленія національных задачъ изъ такъ называемаго «общаго дѣла» и национальных силъ изъ такъ называемаго «общаго» лагеря. Со второго урока онъ перешелъ бы уже къ выясненію содержанія національных задачъ; здѣсь ему пришлось бы начать съ отрицательныхъ моментовъ сіонизма, т. е. раньше всего установить, что еврейскій народъ объективно не связанъ съ территоріями голуса и находится въ скрытомъ или явномъ состояніи непрерывной миграціи. Только послѣ этого третій урокъ могъ бы быть посвященъ положительнымъ моментамъ—абстрактному принципу территоріализаціи разсѣяннаго народа, т. е. территоріализму въ его простѣйшей формѣ. Четвертый урокъ, наконецъ, заключался бы въ конкретизаціи территоріи; пятый—въ выработкѣ методовъ.

Такъ долженъ былъ бы взяться за дѣло педагогъ или пропагандистъ, и именно такъ на нашихъ глазахъ ведетъ дѣло жизнь въ еврейской рабочей массѣ. Наблюдая эволюцію еврейскаго рабоча-

го движенія, мы уже прослѣдили этапы выдѣленія ~~національных~~ ^{національных} силъ и провозглашенія наличности ~~національных~~ ^{національных} задачъ. Достѣ того, какъ 1903 годъ окончательно подвѣрдитъ ~~противъ~~ ^{противъ} усвоенность этого перваго урока, жизни выдвигаетъ доктрину ~~сионистовъ~~ ^{сионистовъ} — социалистовъ съ ихъ исключительнымъ вниманіемъ къ ~~миграціи~~ ^{миграціи}, съ ихъ упрощеннымъ и голымъ теоріализмомъ, какъ будто нарочно очищеннымъ отъ всякихъ осложняющихъ примѣсей, которые могли бы затруднить его усвоеніе. И вслѣдъ за этой доктриной уже кристаллизуются дальнѣйшія, болѣе сложныя, пытающіяся включить конкретную территорію, шире и глубже разработать методы ~~національной~~ ^{національной} самодѣятельности. Схема эта здѣсь и тамъ нарушается конечно, необходимыми въ дѣйствительности уклонами; но всякій, кто мыслить исторически и не согласенъ вѣрить, будто партія и программы нарождаются ни съ того ни съ сего, въ силу одной праздной воли злонамѣренныхъ людей, безъ всякой внутренней связи между собою и безъ корней въ почвѣ, — рано или поздно долженъ будетъ признать, что общая картина развитія еврейскаго рабочаго движенія есть картина постепеннаго и систематическаго сіонизированія.

И среди послѣдовательныхъ стадій этого процесса онъ съ особеннымъ вниманіемъ отмѣтитъ одну — ту, на которой совершилось первое обособленіе еврейскаго пролетаріата. Потому что выдѣленіе ~~національных~~ ^{національных} силъ изъ «общаго дѣла» есть первый, предварительный этапъ, безъ котораго немислима ~~національная~~ ^{національная} самодѣятельность; оно есть главная изъ главныхъ, основная изъ основныхъ предпосылокъ сіонизма. Конкретизація этой предпосылки вылилась въ форму Бунда.

Эта роль была сыграна Бундомъ исключительно въ силу воли; ни воля тогдашнихъ носителей бундовскаго настроенія, ни воля тогдашнихъ носителей сіонизма не отразилась на этомъ событіи. И во всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ этого процесса главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ не конкретный сіонизмъ, не наша партія: здѣсь сама за себя говорила сіонистическая идея, какъ единственный выводъ изъ еврейской дѣйствительности, какъ голосъ жизни и правды. Точно также были здѣсь не при чемъ и дѣятели Бунда. Они искренно исчерпали противъ сіонизма всѣ средства словесной борьбы; но слова гибнутъ, а факты остаются. И эти факты гласятъ, что сіонизмъ проникъ въ еврейскую рабочую массу по дорогѣ, предложенной для него Бундомъ, и каждый этапъ въ развитіи Бунда заключался въ новой побѣдѣ сіонизма.

Приготовительный классъ при образцовомъ хедерѣ сіонизма—
вогь, если продолжать нашу педагогическую параллель, объективно-
историческая роль Бунда въ еврейскомъ рабочемъ движеніи. Бундъ^x
и сіонизмъ—это не два ростка изъ одного корня: это большой
дерево и лишь изъ его—только оно не два самостоятельныхъ
дерева. Бундъ объективно исторически связанъ въ сознании ев-
рейскихъ рабочихъ массъ идеей сіонизма.

Когда будущій редакторъ не знаетъ связанную исторію сіони-
стическаго движения, въ его трудѣ, быть можетъ, особенное внима-
ніе читателя привлечетъ одна глава^{xx}, о томъ, какъ сдѣлать непо-
средственно изъ главъ о сионизмѣ и о евреяхъ галамизмъ; въ нача-
лѣ ея читатель встрѣтитъ повторы мѣлой Цинквера, въ концѣ
первую прокламацию Поале-Поня. Въ этой главѣ будетъ рассказана
одна изъ эпизодовъ сіонизма, и она будетъ озаглавлена «Бундъ».

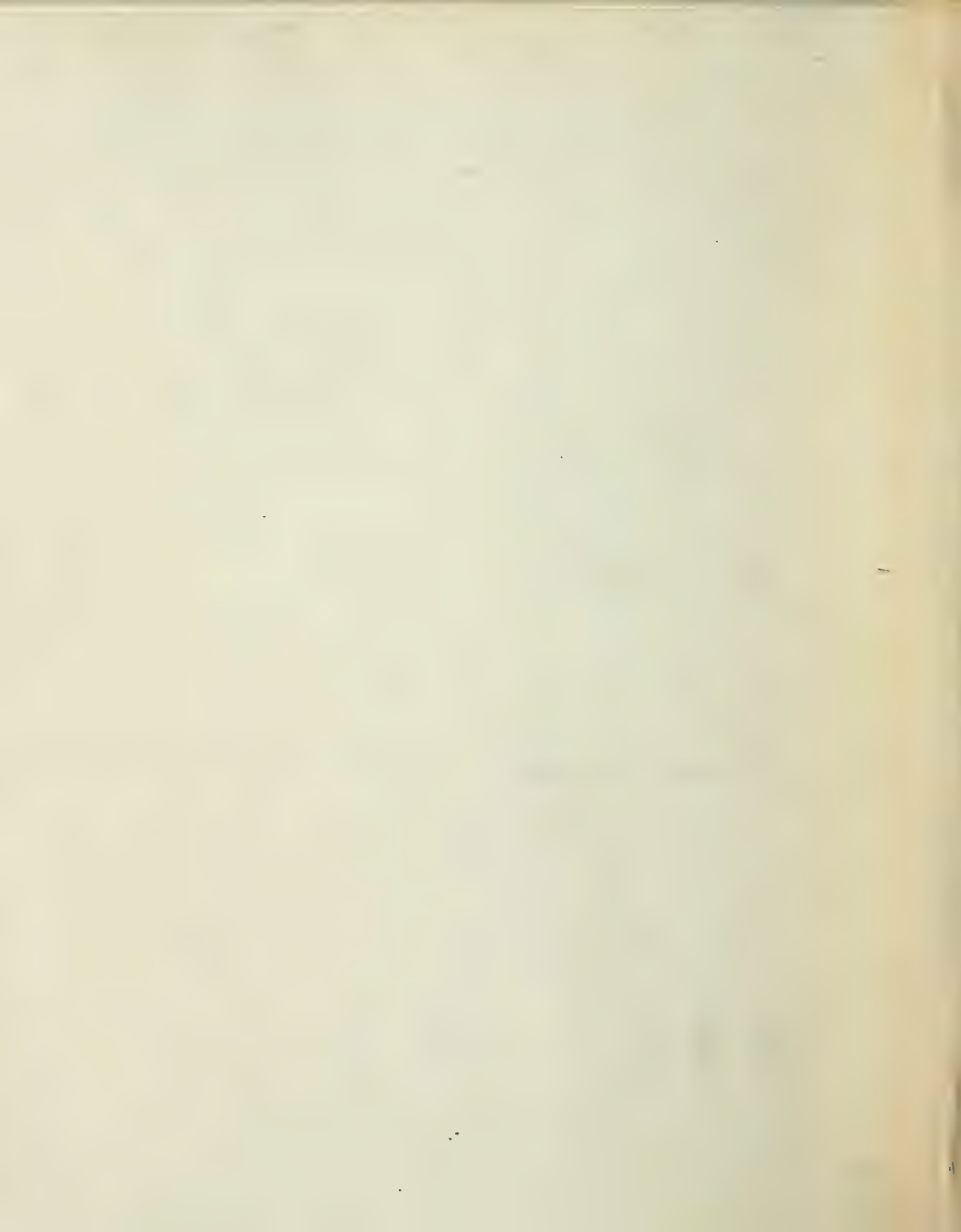
x Бундъ и сіонизмъ—это не два ростка изъ одного корня;
это большой стволъ и одинъ изъ его побѣговъ.
Это не два самостоятельныхъ движеній, эволюционирующихъ
по собственнымъ путямъ; подъ дѣйствіемъ эволюцій Бундъ
объективно эволюционировалъ въ сознании еврейскихъ
рабочихъ массъ идеей сіонизма.

xx Она будетъ сдѣлать непосредственно изъ главъ
о палестинствѣ и ахид-галамизмѣ.

О Д Е С С А.

Тип. Гальперина и Швейцера, Екатерининская, 36.

1906.

8-12

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DS
135
R9Z5
1906a

Zhabotinskii, Vladimir
Evgen'evich
Bund i sionizm

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 04 03 06 013 9